Темное небо

книга третья

Солнце Запада

Павел Некрасов

СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ

18+ КДПН

Павел Некрасов

Темное небо. Книга третья. Солнце Запада

«Автор»
2026

Некрасов П.

Темное небо. Книга третья. Солнце Запада / П. Некрасов — «Автор», 2026

Роковые события нескольких дней меняют жизнь главных героев. Вновь обретенное счастье становится испытанием для любви, а месть — искуплением. Роман о современной России, о днях беззакония и возмездия по древним законам.Третья книга из цикла «Темное небо» о частном сыщике Олеге Костыреве.Для широкого круга читателей.

© Некрасов П., 2026
© Автор, 2026

Содержание

1. Человек из прошлого 5
2. Танцы над пропастью 31
Конец ознакомительного фрагмента. 41

Павел Некрасов
Темное небо. Книга третья. Солнце Запада

1. Человек из прошлого

Настя выбралась из машины, помахала подруге на прощание:

— Пока-пока! Не скучай!

Но возле крыльца оступилась и едва не подвернула ногу.

— Верес, я жду! — донесся из машины голос Нины Елисеевой. — Жду с нетерпением!

Настя обернулась:

— Как же я тебя люблю, лапулечка ты моя! Я тебя сейчас поцелую!

— Настёна, я ведь сейчас с тобой поднимусь, — Нина вышла из машины.

Настя рассмеялась и снова помахала ей. Дверь подъезда медленно закрылась. Еще мгновение она видела кусочек прозрачной весенней ночи, темные кусты возле подъезда, освещенную фонарем Елисееву. А потом замок щелкнул, отгородив ее от бурной вечеринки, пустых слов и обещаний. Она прошептала еще, словно Нина могла слышать ее: «Хорошая ты моя! Волнуешься за всех, переживаешь», чувствуя в этот момент тепло не только от выпитого за вечер.

Заканчивался третий час ночи. Настя прошла на кухню, бросила на диван плащ с сумочкой и замерла. В голове остывали шум ночного клуба, грохот музыки и голоса подруг. И когда все это стало тоньше комариного писка, она услышала тишину и почувствовала усталость.

— А теперь баиньки, Настенька, — сказала сама себе. — Баиньки…

Ей приснилось озеро. Знакомое место. Она вновь была девочкой четырех лет. И родители были рядом, она слышала их голоса. Солнечные зайчики прыгали с волны на волну, раздавался плеск воды. Голос мамы переплетался с голосом отца, а лицо ласкал теплый ветер. Незаметно ее окутала неописуемая словами нега. Еще мгновение, и она растворилась бы в ней.

— Настя!

Стремительная тень накрыла озеро, родителей, ее. Солнце запуталось в облаках. Вода вспучилась вдруг пузырем. В нем ворочалось что-то темное и страшное. И сон прервался.

На прикроватной тумбочке басовито гудел телефон.

— Да? — у нее почти не было сил держать его, и спать ей хотелось невыносимо.

— Здравствуй, солнышко! Все еще спишь?

— Саша, у тебя совесть есть? — спросила она сквозь сон. — Я работала как проклятая, я отдохнуть хочу!

И в этот миг зыбкое видение стерло из памяти, теперь, кроме озера и родителей, она не помнила уже ничего. Но в душе осталась колкая заноза, словно ее пытались предупредить о грядущей беде.

— Я соскучился, увидеть тебя хочу, — тем временем говорил Колосов.

— Саша, ну зачем ты? Я сплю, я спать хочу, я устала.

— А я возле подъезда стою, жду и надеюсь.

— А я сплю! — Настя уронила телефон на подушку.

Но все же поднялась с постели и подошла к окну. И пока она шла, сердца многих мужчин дрогнули бы. Потому что такие женщины нравятся всем.

Ее звали Анастасией Максимовной Верес, тридцати четырех лет от роду. Выглядела она моложе своих лет и была красива без всяких ухищрений. Хотя ей — хозяйке торговой сети по продаже косметики — сделать это не составило бы труда. Высокая, стройная, светловолосая

красавица. Но за внешним изяществом и легкостью в общении скрывался жесткий характер, похожий на свинчатку, обернутую ватой. Никто не ожидал от этой снегурочки бульдожьей хватки и несгибаемой воли. Подчиненные и многие из деловых партнеров так и называли ее за глаза Снегурочкой.

У Насти было двое детей: сын от неудачного замужества и дочка. Девочку она родила от любимого человека уже вне брака. Дети жили с ее матерью в пригородном поселке. По сути, воспитанием детей занималась бабушка.

От мужа-венгра Миклоша Вереса остались у нее сын, звучная фамилия и теплые воспоминания. С Колей Вересом она познакомилась в институте народного хозяйства в начале девяностых. Он был легким на подъем и взбалмошным человеком. И для нее, и для него эта любовь была первой. Прожив в браке с Настей три года, Верес влип в серьезную передрягу и бежал на родину. Расторгли брак они уже заочно. Но Настя ни разу не покаялась, что сошлась с ним. Для нее это было счастливое и беззаботное время. Не сожалела и о расставании. Голову Коленьке открутили уже венгерские бандиты.

Настя посмотрела в окно и рассмеялась. Саша стоял возле машины, покусывая большой палец на правой руке. Так он делал, когда волновался, был раздражен либо озадачен. И Настя знала, что через минуту-другую он сядет в машину и исчезнет, как это случалось после их случайных ссор и неловких расставаний. Выпросит у главного редактора командировку, а спустя неделю она услышит в телефонной трубке: «Привет, я в Братске (или в Москве, или в Донецке). Как ты?»

Настя взяла телефон с подушки и вернулась к окну:

— Саша, у тебя ведь есть ключи… — она сделала паузу, но Колосов не отозвался. — Ты как дьявол — тебя обязательно нужно приглашать.

— Это уже не смешно, Верес!

— Поднимайся, я тебя жду.

Их отношения продолжались второй год. К Колосову Настя испытывала смешанное чувство, похожее на что угодно: привычку, привязанность, взаимное притяжение, но только не на любовь. Они встречались, спали, ссорились, мирились, даже мечтали о чем-то общем. Но для полноты не хватало страсти пламенной, способной сжечь прошлое, как сжигают по весне чучело из соломы. Не хватало страсти, выжигающей все, что мешает любить без оглядки. И оба чувствовали, что такой страсти уже не вспыхнуть. Колосов метался, мучился, временами пытался что-то изменить. А она только и делала, что поддерживала отношения.

Но все же быть вдвоем им было интересно. Колосов поражал обилием знаний, умел многое, любил детей. С ним Настя чувствовала себя комфортно. Но после недолгой разлуки принималась твердить, что этот человек не ее. Словно у Господа только и забот, чтобы сводить мужчин с женщинами.

В прихожей раздалась трель дверного звонка.

Настя улыбнулась. За все время отношений Колосов так и не открыл дверь своим ключом.

Из коридора в прихожую хлынула волна цветочного аромата.

— Привет! — Настя на мгновение зарылась лицом в охапку пряных орхидей, ощущая нежные прикосновения лепестков.

— Здравствуй! — Колосов поцеловал ее.

— Извини, что так… Не ждала тебя рано.

— Сегодня наш день! — Колосов снял курточку и разулся.

— Наш день? — она сладко потянулась, едва не выронив букет.

— Мы познакомились два года назад!

— Саша! — она повисла на его плечах. — Боже мой!

— Настя, — Колосов отстранился. — Если тебе все равно, я уйду… Вчера я тебе не мешал. Отдыхай с подругами! Ради бога! — Его нрав снова дал знать о себе. — Глазейте на голых мужиков в стрип-клубе, в гадюшнике этом!.. Но я помню не только нашу первую ночь. Я помню день, когда впервые увидел тебя!

Он снял с вешалки курточку.

— Саша, не уходи, — она поймала его за руку. — Я все помню! Закрутилась просто. Не уходи, я хотела тебя увидеть! Я на самом деле хотела увидеть тебя сегодня! Думала о тебе. Сон видела о родителях, а думала о тебе!

— О боже! — в сердцах бросил Колосов, он уже начал остывать. — Верес, у тебя когда-нибудь нос от вранья вырастет. Вырастет и отвалится.

— Обиделся? — она поцеловала его. — Я не выспалась. Не сердись.

Он неожиданно притянул ее и обнял:

— Настя! Я тебя люблю!

Она закрыла глаза. Аромат цветов растекался по комнатам. От одежды Колосова пахло арабскими пряностями. И вновь стало так тихо, словно время остановилось. И чтобы нарушить эту тишину, она сказала:

— Я сейчас кофе сварю, — и высвободилась из его объятий. — А я ведь с утра хотела к маме съездить, — продолжала она уже с кухни.

— С утра?! — усмехнулся Колосов. — Хорошо, что я тебя разбудил.

— Утро у всех по-разному начинается, — рассмеялась она. — Это у тебя ни дня, ни ночи, все время на работе. А у меня утро в полдень начнется и закончится. А у кого-то после обеда.

— У подружек твоих, — он помог ей заварить кофе. — А ведь не девочки уже. Как отдохнули?

Настя открыла холодильник:

— Чудесно! Только напрасно ты про стриптиз вспомнил. Мы в этот клуб давно уже не ходим.

— Он в городе не один, — снова усмехнулся Колосов. — Одного не могу понять, ей-то зачем на мужиков глазеть?

— Саша, я тебя прошу, оставь Нину в покое!

— Я ревную тебя к ней. А вдруг?

— Дурак! — Настя толкнула его в плечо. — Лучше открой шампанское!

Она поставила на стол бокалы, тем временем Колосов открыл бутылку вина.

— Со знакомым созвонился вчера, — говорил он, наливая в бокалы. — Сто лет не виделись. Уезжаю в Челябинскую область, обязательно нужно встретиться с ним.

— Жаль, — отозвалась Настя. — Думала, праздники проведем вместе.

— Мне тоже жаль, — Колосов протянул ей бокал. — Выспишься без меня! — и посмотрел на нее так, что все и без слов стало понятно. — Эти два года пролетели для меня как один день…

Она поняла, что он скажет через мгновение.

— Саша, я тебя прошу, не нужно. Два года — это хорошо, это очень хорошо! Будет что вспомнить. Но я не хочу все усложнять. Мы с тобой понимаем друг друга. Нам хорошо, но мы не знаем, что будет завтра.

— Но я большего хочу, Настя! Эти свидания урывками… Неужели тебя все устраивает?

— Да! Мы не лжем друг другу. Мы не прячем глаза. Я не хочу все испортить.

— Не понимаю! — привычно бросил Колосов и отошел к окну.

На дворе стоял прохладный май двух тысячи седьмого года, пятница, четвертое число.

Настя подошла к нему, обняла крепко за талию:

— Не будем ссориться хотя бы сегодня. Просто время еще не пришло.

— А если оно не придет никогда?

— Значит не судьба, — прошептала она.

Колосов потянулся было к своему ногтю, но вовремя остановился.

— Ты играешь со мной, Верес, — улыбнулся он. — Ты живешь по своим правилам. Но придет и мое время!

Из дома они вышли уже после полудня. Сели в джип Колосова и поехали на окраину города.

— Не погода, а дрянь! — брюзгливо говорил он. — То дождь, то снег, то дождь со снегом!

Не успел он произнести это, как солнце скрылось за облаками, и по стеклам хлестнул дождь. И в это мгновение Настя ощутила такую пустоту, словно сердце в тысячный раз напомнило, что этот человек не ее. Но в тот же миг ей позвонили.

— Здравствуй, Ниночка! — обрадовалась она. — Здравствуй, милая! Как я рада! Как ты?.. Нет, голова не болит… Да что ты говоришь, тот же самый мальчик?! — она украдкой посмотрела на Колосова. — Нет, просто он еще стесняется. Посмотрим на него через годик! Мне кажется, это будет настоящий Тарзан! По крайней мере, не хуже!.. А как себя чувствует Галя с Танюшей?.. Нет-нет, я сейчас с Сашей, едем к маме… Нина, перестань говорить глупости! — она неожиданно оборвала собеседницу и закончила уже совсем другими тоном: — Пока!

— О чем это она? — Колосов спрятал улыбку.

— Ты ведь обо всем догадался! Да, мы в «Глыбе» отдыхали, и что?! Я не обязана отчитываться перед тобой, где и с кем бываю!

— А я тебя не о клубе спрашивал, — Колосов остановился на светофоре. — Дорогая моя, я несколько статей о твоих любимых гадюшниках написал. А для этого на брюхе по ним три раза прополз. Кто, сколько, с кем и как? Мне это уже не интересно.

— За перекрестком остановись, пожалуйста, — с подчеркнутым спокойствием попросила она.

— Настя, мы же не хотели ссориться! — Колосов попытался взять ее за руку.

— Я сказала, остановись! Останови или я на ходу выйду!

— Хорошо, — Колосов прижался к обочине. — Но это глупо. Господи, как это все глупо! Вот ты объясни мне, что я сейчас сказал?

Она вышла из машины и напоследок хлопнула дверью.

— Что мне с тобой делать? — прошептал Колосов, глядя ей вслед.

А Настя поднялась на крыльцо бутика итальянской моды.

— Добрый день, Анастасия Максимовна! — встретила ее симпатичная девушка.

— Здравствуй, Анюта. Что у вас новенького?

— Поступление весенней коллекции.

— Я хочу видеть все!

Колосов знал, что в магазине она задержится надолго. А уж к нему в машину после ссоры точно не сядет.

— Хорошо, — кивнул он. — Дело твое.

Он вывернул на проезжую часть и уехал домой.

А Настя сделала ненужную покупку и уже сама позвонила Нине:

— Знаешь, ну так по-свински, слов нет! Начал опять рассказывать, что секретов для него нет! И на брюхе он по всем гадюшникам ползал! И мы поссорились!.. Я сейчас в обувном на площади. Я тебя жду, Нина!

Она убрала телефон в сумочку и на прощание улыбнулась продавщице.

— Осторожно, Анастасия Максимовна, — предупредила та. — Возле входа какой-то человек странный стоит.

— А где ваша охрана? — поинтересовалась Настя, разглядывая высокого сухопарого человека возле дверей.

Он на самом деле выглядел странно. Словно поднявшись на крыльцо, напрочь забыл, зачем сделал это.

— Он только на минуту отлучился, — она принялась выгораживать охранника.

— Именно за эту минуту ему и платят! — перебила ее Настя. — А клиент на самом деле подозрительный. Я бы на вашем месте в милицию позвонила… — она внезапно осеклась.

— Что с вами, Анастасия Максимовна? — встревоженно спросила продавщица.

— Ничего. Показалось, наверное.

Но она уже понимала, что странный человек с неопрятной бородой — никто иной, как Сережа Плетнев, отец ее дочки Дашеньки.

Настя судорожно перевела дыхание и посмотрела на продавщицу:

— Анюта, милая, не нужно ни охраны, ни милиции. Я сама поговорю с ним.

— Анастасия Максимовна, он может быть опасен!

— Он не опасен. Я его знаю, — отозвалась Настя.

— Осторожно, Анастасия Максимовна! — бросила ей вслед девушка.

Настя вышла на крыльцо и остановилась в двух шагах от Плетнева.

— Сережа, здравствуй!

Он не вздрогнул от неожиданности, хотя именно этого она ожидала. Обернулся на голос и посмотрел на нее с полуулыбкой.

— Простите, очень знакомое лицо, — после томительной паузы сказал он. — Но я не могу вспомнить вас. У меня что-то с памятью.

— Господи, Сергей, что ты с собой сделал? — она погладила его по заросшей щеке. — Ты выглядишь как бродяга.

— Извините, я пойду, — он продолжал улыбаться незнакомой робкой улыбкой.

И неожиданно Настя поняла, что он не играет, он на самом деле не помнит ее.

— Где ты был, Сережа? — спросила она. — Что с тобой сделали?

Дверь бутика открылась, на крыльцо вышел охранник.

— У вас все в порядке? — внушительно спросил он, глядя на Верес.

Из-за его спины выглядывала продавщица.

— Да, у нас все в порядке, — кивнула Настя. — Идем, Сережа. Идем, милый.

Они спустились с крыльца. Настя отряхнула и поправила на Плетневе куртку. Одет он был как Джон Рэмбо: потертый камуфляж, спортивные штаны и поношенные берцы[1]. На них оглядывались, такая контрастная пара сразу бросалась в глаза.

Они отошли в сквер — местный Арбат. Солнце выглянуло, и художники с камнерезами вновь снимали пленку с прилавков и стеллажей.

— Что с тобой случилось? — она продолжала расспрашивать его. — Сережа, расскажи мне, что произошло?

— Вы меня с кем-то спутали, — не сразу ответил он.

— Да ни с кем я тебя не спутала, Сергей! — Настя заглянула ему в глаза. — Почему ты не помнишь меня? Как это может быть?

Плетнев молча смотрел на нее. Он был похож на бродячего пса, который смотрит на доброго человека с надеждой и страхом.

— Сережа, Сережа, — с болью в голосе произнесла она. — Кто же тебя так?

Но в этот момент позвонила Нина:

— Настя, я возле обувного стою! Ты где?

— Нина, тут такое случилось! Я не понимаю ничего! Я не одна!

— О чем ты? Тебя уже забрали, что ли?

---

[1] От анатомического термина «берцо» (берцовая кость). Армейские ботинки на шнурках с высокими голенищами, защищающими голень (берцовая кость). (разг.).

— Нет, мы в сквере. Я его нашла…

— Кого?

— Сергея.

— Не может быть! — едва ли не по слогам произнесла подруга.

— Может. Стоит рядом со мной. И ты его не узнаешь!

— Где он пропадал?

— Нина, я ничего не понимаю! — Настя еще плотней прижала телефон к уху. — Он не помнит ничего.

— Подозрительно как-то, — отозвалась та. — Это точно он?

— Ну ты совсем, что ли? Думаешь, я не узнаю его?

— Ладно, я вас сейчас заберу!

Настя убрала телефон и улыбнулась Сергею:

— Сейчас за нами Нина приедет. Нина Елисеева. Помнишь ее?

— Простите, — с полуулыбкой ответил Плетнев. — Но я не помню.

И у Насти внезапно перехватило дыхание.

— Ничего, Сережа, вспомнишь, — улыбнулась она. — Идем, милый. Сейчас Нина приедет.

Не успели они подойти к обочине, как возле них остановилась машина Елисеевой.

— Давайте быстрее, не то меня оштрафуют! — раздраженно сказала она. — Здравствуй, Плетнев! Выглядишь бомжевато!

Нина посмотрела на него в зеркало заднего вида.

— Здравствуйте, — отозвался тот.

— Что это ты со мной на вы, как с чужой? Забыл, как на брудершафт пили?

— Извините, но я вас не помню, — покачал головой Плетнев.

Нина посмотрела на подругу, округлив глаза. Та в ответ пожала плечами.

— Вас куда? К маме или к тебе?

— У мамы-то ему что сейчас делать? — вопросом на вопрос ответила Настя. — Едем ко мне!

— Плетнев, я всегда знала, что ты вляпаешься в мутную историю, — продолжила Нина, посматривая на него. — Ты же мутный всегда был. И в историю мутную вляпался. Правда же? Я даже бандитов хотела попросить, чтобы пробили тебя по братве[2]. Да Настёну пожалела! Они бы тебя в блин раскатали! Сто процентов!.. Ты же знаешь, как у них это называется? — и повторила: — Пробить по братве. Вот только ты им не брат.

— Нина, перестань! — попыталась остановить ее Настя.

— А я говорю, что думаю! Не выдумала ничего! И это — факт!.. И вот ты, Плетнев, снова в нашей жизни нарисовался, — она снова посмотрела в зеркало заднего вида. — И в маскарад этот я не верю! С твоим-то умищем… Умище свой за два года не пропил?

— Простите, я лучше выйду, — негромко произнес тот. — Наверное, меня с кем-то перепутали. Вы меня Плетневым называете. Но я не помню, кто я.

— А ты, Плетнев, совсем плохой стал! — по новой начала Нина.

— Это вы говорите, что я — Плетнев, — ответил он. — Но в моем паспорте совсем другая фамилия.

— Дай посмотреть! — Нина свернула с центральной улицы на боковую и остановилась на обочине.

— Нина, перестань! — попыталась остановить ее Настя.

[2] Навести справки о человеке в криминальной среде (жарг.).

— Покажи паспорт! — не слушая ее, кивнула Нина. — Посмотрим, кто ты сейчас! Я всегда знала, что ты прикидываешься кем-то другим. Не стесняйся! Наверняка ты и Плетневым не был!

Она взяла из его рук паспорт и пробормотала:

— Ага, вот ты кто у нас на самом деле! Куликов Сергей Борисович. Похож! А проживаете, стало быть, в городе Ситове. Верно, Сергей Борисович? Бывала я там, бывала… Подружка у меня там жила, Эля Баскакова. Жалко, убили девку… Ты ее не знал случайно? — она пристально посмотрела на него. — Вот только как мне тебя называть сейчас, Плетневым или Куликовым?

— Все, хватит! — оборвала ее Настя. — Сейчас же едем ко мне!

— Может, сначала поговорим с глазу на глаз, — предложила Нина.

Они вышли из машины.

— Ты не боишься его к себе везти? Настя, я не шучу. Плетнев, он же изворотливый! И зачем я тебе все это говорю? Ты ведь сама все знаешь!

— Нет, Нина, — покачала головой Настя. — Это не игра. Он на самом деле ничего не помнит. Я не знаю, что с ним случилось. Что-то страшное!

— Тем более нельзя ему к тебе. Один бог знает, чем все закончится!

— Нина, ты знаешь, я его до сих пор люблю и не могу бросить. Не в таком состоянии!

— О чем ты говоришь, Настя? — Нина взяла ее за руку. — Вспомни себя, когда он исчез.

— Я все помню! Но посмотри на него.

— А что скажет Колосов?

— Статью напишет, — усмехнулась она.

— Господи, да что же вы за люди такие?! — неожиданно в сердцах и без наигрыша произнесла Нина. — Вы же друг на друге живого места не оставили! Настя, ты любишь Колосова! Ты любишь его, но даже себе в этом не признаёшься!

— Нина, я без тебя с Колосовым разберусь.

— Да ради бога, я в твою жизнь не лезу! Но сколько же можно?

— Давай не будем! — оборвала ее Настя. — Посмотри, в твоей машине сидит человек, который появился ниоткуда. Я уже похоронила его, Нина!

— Это меня пугает больше всего! — кивнула та. — Меня пугает, что он появился ниоткуда. Все правильно! А при желании эту филькину грамоту, этот паспорт из города Ситова, за деньги можно выправить за день. Я ему не верю, и ты не верь!

— Странно, правда? — Настя словно не услышала ни слова.

— О чем ты?

— Он так изменился. Ни одного жеста знакомого, ни одной шутки. Взгляд жалкий, забитый.

Нина вдруг придвинулась к ней вплотную и сказала вполголоса:

— Давай оставим его здесь! Выгоним из машины и забудем…

— Ты совсем, что ли? Я его не оставлю!

— Плохо, очень плохо, — пробормотала Нина. — Я бы на твоем месте в милицию его сдала. Но ты ведь во всем разобраться должна.

Она вернулась в машину и протянула Плетневу паспорт:

— Держи!

И до конца поездки больше не произнесла ни слова.

Когда они подошли к подъезду, Настя спросила:

— Сережа, ты помнишь этот дом?

Плетнев огляделся:

— Нет.

А Нина фыркнула:

— А ты у него еще о чем-нибудь спроси!

Настя взяла ее под руку и отвела в сторону:

— Спасибо тебе за помощь. Но нам лучше остаться вдвоем.

— Ага! — энергично кивнула та. — А вечером тебя с перерезанным горлом найдут! Или как Элю Баскакову! У той вообще голова на столике стояла!

— Перестань говорить глупости! Это уже не смешно! — оборвала ее Настя. — Сережа, я сейчас, подожди немного, — сказала уже Плетневу. — Нина, я позвоню тебе. Я обязательно тебе позвоню. И мы обо всем поговорим. Но сейчас нам нужно побыть вдвоем. Я должна понять, что с ним произошло.

— Настя, он же лгун, каких мало! Но что же поделать, если ты никого не слушаешь?! Просто будь осторожна! И не забывай про телефон.

Нина Елисеева, невысокая, смуглая и крепко сбитая, была для Насти самым близким человеком по духу и по складу характера. Их без натяжки можно было назвать сестрами.

— Просто я боюсь за тебя. Все, кого я люблю, уходят внезапно. Мне страшно!

— Все будет хорошо. Я позвоню тебе через час. Ладно?

Они обнялись на прощание.

Настя с Плетневым зашли в подъезд, а Нина села в машину и замерла. В этот момент непонятно было, о чем она думает. Было в ней что-то от восточных красавиц, непостижимое, неописуемое словами, словно ее лицо всегда было прикрыто чадрой, и редкий человек мог видеть ее истинный облик.

— Я буду ждать, — внезапно произнесла она твердым и громким голосом и повернула ключ в замке зажигания.

А Настя с Плетневым зашли в лифт.

— Неужели ты ничего не помнишь, Сережа? Этот лифт. Запах жареной картошки с луком из соседских квартир… Посмотри, вот эту царапину сделал ножом Макс, мой сын. Неужели ты не помнишь его? Это было четыре года назад. Мы ехали в лифте. Максим достал перочинный нож и решил написать свое имя. А мы остановили его и ругали потом. Неужели ты этого не помнишь?

— Нет, — покачал головой Плетнев. Они вышли из лифта. — Я шел к своим родителям. Понимаете, в январе я очнулся в незнакомом месте. Там был человек. Я не знал его. Но он сказал, что спас меня. А потом он рассказывал обо мне что-то… Что-то страшное… Но я уже не помню ничего… Снова забыл… — его голос сник до шепота.

— Что? Что он сказал тебе, Сережа? — Настя развернула его к себе. — Что сказал тебе этот человек?

— Я не помню. Помню только, как сбежал от него. Где-то спал, ел что-то. А потом стало тепло, и снег растаял… Я жил в коробках, там было много людей. И вдруг я вспомнил дом. Я жил в нем когда-то. Вспомнил двор, в котором играл. Я вспомнил город, этот город. И пошел сюда. Я жил рядом с городом на свалке.

Они стояли возле входной двери, которую Настя уже открыла. Но она не перебивала его, боялась, что он потеряет нить рассуждений и снова замкнется. Ей казалось, что от правды ее отделяет короткий шажок.

— Я пришел на рассвете. Я помню стаи скворцов. Я помню, как собаки бегали по дорогам. Было очень рано и очень тихо. Мне казалось, что я иду наугад. Но я знал, куда нужно идти. Я остановился возле старого кирпичного дома и стоял там, глядя на окна. А потом из подъезда вышел старик с лохматой собачкой на поводке. Он узнал меня. Он спросил, где я пропадал столько лет? Я не помнил его, но все равно спросил о своих родителях. И он сказал, что их больше нет. Нет уже очень давно… Как — нет? — в его глазах плавилась неподдельная боль. — Я шел к ним. Я их помнил… И вдруг этот старик говорит, что родителей уже нет…

Я встал и пошел. Собака лаяла мне вслед. А потом я побежал и бежал до тех пор, пока были силы… Солнце уже поднялось, но оно было за тучами. И я решил идти за солнцем. Решил идти за ним до тех пор, пока не выйду из города. Но чем дальше я шел, тем выше становились дома. На дорогах стало много машин, а на тротуарах много людей. А потом я увидел вас… Я увидел вас в окне, и я увидел еще что-то…

— Ты увидел меня и вспомнил, да? — Настя посмотрела на него с надеждой.

— Нет, я ничего не вспомнил. Но я увидел вас другой.

— Какой? Какой ты увидел меня, Сережа? — Настя заглянула ему в глаза.

— Другой, — он покачал головой. — Я не знаю, как объяснить. Но я увидел вас другой. Не такой, как сейчас.

— Хорошо, — ободряюще улыбнулась она. — Значит, ты начинаешь вспоминать. Проходи. Проходи, милый!

Она взяла его за руку и провела в прихожую. Она продолжала смотреть на него с улыбкой.

— Когда-то это был твой дом, наш дом. Идем. Ты обязательно вспомнишь его.

Она сняла с него грязную курточку и бросила на пол.

— Ты вспомнишь этот дом, Сережа. В нем было так много любви! — Настя обняла его. — Ты вспомнишь все, а я этого не забывала.

Они смотрели друг на друга так долго, что на кухне успел включиться и выключиться холодильник.

— Вы очень красивая, — Плетнев наконец отвел от нее взгляд.

— Назови меня по имени, — попросила она. — Ты ведь слышал, как меня зовут, — она еще хотела сказать, что он называл ее всеми прекрасными именами, которые мужчина говорит любимой женщине, но вовремя осеклась. — Сережа, назови меня Настей. Это не трудно.

— Я не могу.

— Ну, хорошо, — кивнула она. — Разувайся и снимай эти ужасные обноски. Мы выбросим их. У меня остались твои вещи. Я сохранила их. И оказалась права, ты вернулся… Сейчас ты примешь ванну. Сбреешь эту ужасную бороду! А я приготовлю завтрак. И ничего не бойся! Не стесняйся ничего, Сережа! Ты когда-то жил здесь. Ты обязательно вспомнишь все. Я покажу тебе наши фотографии. А потом мы съездим за детьми. Ты должен увидеть Дашеньку! И Максима ты тоже должен увидеть. Он так вырос, ему уже тринадцать лет! Снимай с себя все это! Вот так, — она помогла ему раздеться. — Проходи в ванную комнату. Да, вот в эту дверь. А свое тряпье бросай сюда!

Она протянула ему мешок под мусор.

— Но…

— Сережа, у тебя есть одежда. Хорошая одежда, а не эти обноски! И не стесняйся! Если что-то понадобится, я буду рядом.

Когда она ушла, Плетнев осмотрелся. Взял с полочки бритву Колосова, поднес ее к заросшей щеке и посмотрел на себя в зеркало. И в этот момент его ожгло воспоминанием. Он увидел себя в другом доме, в другой ванной комнате. Тогда он тоже брился, но смотрел на себя в небольшое зеркальце. Он тогда тоже сбрил бороду и впервые увидел свое лицо.

Вспомнив это, он сжался в комок и замер. Это воспоминание жгло его душу каленым железом. Он помнил каждый вдох, который сделал тогда. Но только дьявол мог заставить его признаться в этом. Он с радостью забыл бы и это, как не помнил большую часть своей жизни. Но тот страшный вечер он запомнил.

— Нет, — прошептал он. — Нет, это не я… Это не я… Я не делал этого…

Он сел на краешек ванны и обхватил голову руками.

А Настя в это время нарезала хлеб и ветчину с сыром, украсила вазу фруктами. На ее лице играла улыбка. Но внезапно она тоже замерла и прошептала:

— Как все-таки странно… Ведь он жив… Жив…

И в этот краткий миг вспомнила, сколько было пролито горьких слез. И вспомнила, как угасали надежды.

— Где же ты был все это время? — прошептала она.

Нина припарковалась за джипом Колосова, посмотрела на его окна и после краткого размышления все же взяла в руки мобильник.

— Привет! Давно не виделись… Да, как-то все вот так. Все между делом… Нет, дела у меня идут хорошо. Но тут такое произошло! В голове не укладывается… Да, я о Насте говорю… Нет, с ней все в порядке, кажется. Сегодня она нашла Плетнева! Да, того самого!.. Да! Да! Именно после того, как вы поссорились… Нет, таких совпадений не бывает. Нам с тобой надо поговорить! Я жду тебя внизу. Посмотри в окно. Я в своей машине… Хорошо, жду…

Она бросила телефон в сумочку и вышла из машины.

Колосов не заставил себя ждать.

Они поздоровались, даже слегка обнялись.

— Нина, я ничего не понял, — сказал он.

— Давай пройдемся. Настю я знаю лет восемь. Знаю ее дольше тебя и лучше тебя. Подожди, дай мне сказать! — она остановила Колосова. — Мы подруги! А тебе только кажется, что ты ее знаешь, а время что-то там вылечит.

— Погоди-ка, — Колосов резко остановился. — О чем это ты сейчас?

— Я о том, что она ждала его! Вот так вот… Она любит его и примет! Уже приняла!

Услышав это, Колосов принялся покусывать ноготь.

— Черти его принесли, — прошептал он.

— Да, черти, — кивнула Нина. — Я его хорошо знаю! Это самая продуманная и хитрая тварь, которую я встречала в своей жизни. Сейчас он прикидывается человеком без памяти. Но я знаю, что это вранье!

— То есть как это — человеком без памяти?

— Он такую сцену разыграл, что меня чуть не стошнило!

— Как все не вовремя, — пробормотал Колосов. — Завтра я уезжаю! Но оставить ее вот так…

— Куда собрался?

— По делам. И отменить встречу я уже не могу. Мне нужно там побывать, нужно увидеть все своими глазами.

— Слушай, — сказала Нина. — Я видела паспорт Плетнева. Он оформлен на другое имя, с пропиской в Ситове. Бывал там?

— Приходилось.

— Сколько тебя не будет?

— Дня три-четыре, вряд ли дольше.

— Плетнев у Насти теперь надолго. Ничего уже не поделаешь, ты ее характер знаешь. Но мы с тобой можем съездить в Ситов. И уже на месте разберемся, что там к чему. Я уверена, Плетнев оставил после себя след. Понимаешь, когда он жил с Настей, всегда был при деньгах. Всем рассказывал, что работает торговым представителем, типа в аптечном бизнесе трется. Но я выяснила, что его фирма вообще только в Штатах торгует. Я его спрашивала, но чихал он на мои вопросы. Иногда он исчезал на несколько дней, а остальное время читал газеты.

— Между вами что-то было? — неожиданно спросил Колосов.

— О чем это ты?

— Нина, это не мое дело, но я ведь вижу! Насте я ничего не скажу.

— Ну, в общем, я… — после паузы сказала она, — я делала попытки. Но ты ведь меня знаешь. Мне было интересно, что он за человек. Вот именно тогда я поняла, что он врет напропалую.

— Я поговорю со знакомыми, — кивнул Колосов. — Пока меня не будет, о нем наведут справки.

Нина слегка поморщилась от досады:

— Надо было сделать это шесть лет назад.

— Интересно, чем они сейчас занимаются? — пробормотал Колосов.

— Ты сейчас об этом не думай, — Нина взяла его за руку.

— Я съезжу к ней!

— Нет, она тебя на порог не пустит, — усмехнулась Нина. — Думаешь, почему я здесь?

— Господи, — Колосов с силой растер лицо. — За что мне это? Почему я не полюбил женщину без тараканов в голове? Я никому этого не говорил, Нина. Но я только мучаюсь с ней.

— Я знаю. Хотя мне казалось, что ты с ней справишься.

— Я не понимаю, что делаю не так? Она как заговоренная.

— Тебе нужно подстричься, — улыбнулась Настя. — Но уже лучше. Намного лучше, Сережа. Как же ты похудел.

Он привел себя в порядок. Был в спортивном костюме и в белоснежной футболке. Все такой же чужой и отстраненный. Она бросила его влажное полотенце в корзину для белья. В ванной царил идеальный порядок, словно здесь не мылись и не брились.

— Ну хоть что-то, — прошептала она. — Ты все такой же педант… Идем завтракать, милый! — произнесла уже вслух.

Но не успели они пройти на кухню, как позвонил Колосов. Настя усадила Плетнева за стол и отошла к окну.

— Да, Саша?

— Я все знаю. Я приеду сейчас.

— Не трать время, я тебя не пущу.

— Настя…

— Не звони мне пока. Я должна во всем разобраться.

Она оставила телефон на подоконнике и села за стол. На нем стояла ваза с виноградом и фруктами, торт, початая бутылка шампанского и бокалы с недопитым вином. Настя вспомнила утро, тревожный сон и Колосова. Но рядом с ней был любимый, и через мгновение все это рассеялось как туман. Она взяла Плетнева за руку.

— Ты все такой же красивый. Сережа, я искала тебя. Это чудо.

— Я вас не помню. Простите.

— Это неважно. Ты — здесь, ты снова со мной.

Она убрала грязную посуду в мойку. Поставила перед ним торт и разлила вино.

— И сейчас мы выпьем за это чудо! Кушай, Сережа! Почему ты не пьешь? Не понравилось вино?

— Я не пью.

— А раньше ты любил хорошее вино, — улыбнулась она. — Помнишь, во Франции мы попали на фестиваль молодого вина?! Напились! Но никто этому не удивился. Говорили: «Вот русские, они так любят вино!» И нас с тобой всё угощали и угощали… Разве ты не помнишь этого?

Она оторвала от кисти винограда несколько ягод.

— Все будет хорошо! Сейчас тебе нужно только кушать и спать… Да что же это такое?!

Из гостиной донесся зуммер радиотелефона.

— Кушай, Сережа! Обязательно выпей вина! И ни о чем не думай. Я сейчас же вернусь.

— Мама! — услышала она в трубке голос дочери. — Мама, приезжай!

— Дашенька, солнышко мое, здравствуй! Дашенька, я пока не могу. Но как только освобожусь, сразу приеду! Ты что сейчас делаешь, солнышко мое? Максим рядом?

— Нет, он гуляет!

— А бабушка? Бабушка рядом с тобой?

— Да!

— Здравствуй, Настя, — раздался в трубке голос ее мамы Ираиды Михайловны.

— Мам, я постараюсь сегодня приехать, но обещать не могу.

— Настенька, ты хотя бы понимаешь, во что снова впуталась? Неужели не хватило одного раза?

— Нина уже всех обзвонила, да? Хорошо, я поговорю с ней.

— Мы волнуемся за тебя, дочка.

— Мам, ты всегда меня понимала. Пойми и сейчас.

— Настенька, подумай о детях.

— Мама, зачем ты так? Я всегда знала, что найду его. И тебе об этом говорила. Я много раз говорила тебе, что он вернется! И я все помню! Когда Сережа был рядом, я каждый день чувствовала себя такой счастливой! Мне было так хорошо. А когда он пропал, я рухнула в бездну, где бесы скачут. Разве это жизнь, мама? Ведь я помню совсем другую жизнь.

— Дочка, я не знаю, что еще сказать, — с болью произнесла Ираида Михайловна. — Но нам нужно поговорить! Обязательно приезжай. И дети тебя ждут. И будь осторожна, дочка! Я боюсь за тебя.

— Не бойся ничего. Все не так, как Нина рассказывает. Я постараюсь приехать. Я позвоню тебе.

Она положила трубку на журнальный столик и судорожно перевела дыхание.

Страх родных можно было понять. Но сейчас их навязчивая забота только раздражала ее. Чтобы немного успокоиться, она подошла к зеркалу и принялась поправлять прическу и макияж, понимая, что все так же красива, и чувствуя волну возбуждения от близости по-настоящему любимого человека. Сейчас все случившееся до встречи с Сергеем казалось чем-то незначительным.

— А вот и я! — улыбнулась она, вернувшись на кухню. — Сережа, ну что же ты? Ты к еде не притронулся! — и зарылась в его волосы. — Господи, от тебя и пахнет как прежде! Любимый ты мой, ну не пугай ты меня! Скажи хоть слово, хотя бы одно знакомое слово… Ты такую страшную игру придумал себе…

— Все очень вкусно, — негромко произнес Плетнев. — Но я не голоден. И я не хочу стеснять вас.

— Милый ты мой. Неужели ты думаешь, что я отпущу тебя? Нет, этот путь мы пройдем вместе. Я покажу тебя лучшим врачам! Ведь мы так любили друг друга. Ты не помнишь, но нам завидовали. Как нам завидовали другие! Сереженька, когда ты пропал, жизнь моя опустела, и только тогда я поняла, как трудно найти родного человека. И то, что я чувствую сейчас, не описать никакими словами! Неужели ты думаешь, что я отпущу тебя? Отпущу, чтобы снова оказаться одной… — в ее глазах блеснули слезы.

— Но я не тот, кого вы искали. Я знаю, что я не тот, — перед его глазами стремительной лентой пронеслись воспоминания последних месяцев. — И я вас не помню… Совсем не помню…

Она медленно выпустила его из объятий и села за стол. Какое-то время они молча сидели друг против друга. Настя смотрела на Плетнева. Он сидел, опустив голову. И в это мгновение Настя пережила странное чувство, словно находится во сне, при этом понимая, что это все же не сон, а видения из иной параллельной жизни.

— Иногда мне кажется, что я вижу себя во сне, — сказала она, следуя за этим чувством. — Иногда мне кажется, что я до сих пор глупая девчонка. Заперлась на Рождество[3] в ванной,

[3] Гадание на Святки (Святочные гадания) – дохристианская традиция гадания на будущее у славянских народов, вписа-

чтобы наворожить себе детей с мужем. И увидела что-то в зеркале, и до сих вижу чужую жизнь. Мы с девчонками гадали на свечках и видели что-то. Каждая свое. Помнишь, я говорила тебе об этом?

— Нет, я не помню.

— Господи, Сережа! — голос у Насти сорвался. — Зачем ты мучаешь меня?! Ты же все помнишь, я вижу это по твоим глазам… Зачем все это?! Зачем?.. — и разрыдалась.

Она плакала, уткнувшись лицом в скатерть, а Плетнев смирно сидел напротив нее, чувствуя лишь неловкость и смущение.

Успокоилась Настя так же внезапно. Взяла его за руку:

— Ты ведь все равно не ешь. Идем, Сережа.

И он покорно сжал ее руку. Взявшись за руки, они вышли с кухни.

— Когда ты пропал, я сделала в квартире ремонт. Но картины остались там же. Помнишь…

Она осеклась, зная, что он снова начнет говорить, что не помнит ничего.

— Мы выбирали их вместе. Покупали здесь в городе, покупали в поездках. Ты так любил смотреть на них. Стоял в коридоре, курил и смотрел то на одну, то на другую.

Они какое-то время стояли возле картин в дорогих рамах. Насте казалось, еще мгновение, и он улыбнется с облегчением и скажет: «А я вспомнил! Ты знаешь, я вспомнил этот пейзаж! Эту картину я купил тебе на день святого Валентина!» — и она тоже вздохнет с облегчением, услышав это.

Но он молчал и смотрел то на одну картину, то на другую. Сейчас он смотрел так на все: переводил взгляд с одного предмета на другой, не осознавая до конца, кто он и где находится.

— Хорошо, милый, идем, — произнесла она, не дождавшись от него ни слова.

Они прошли в гостиную. Настя усадила его на диван, а сама взяла с книжной полки несколько фотоальбомов.

— Это наши фотографии, Сережа. Из всех поездок, год за годом! — она открыла первый альбом. — Это мы с тобой через неделю после знакомства. Такие счастливые! Это ты, Сережа! Узнаешь себя?

— Да, это я, — кивнул Плетнев.

— Ты знаешь, когда это было?

— Нет, не помню.

— Шесть лет назад, Сережа. Шесть лет прошло, а я помню этот день, словно мы вчера стояли возле этого фонтана. И дня не было, чтобы я не вспоминала о нас! А это наша дочь, Дашенька. Посмотри, Сережа, как она похожа на тебя! У нее такие же русые волосы и глаза твои — серые. А когда она сердится, они становятся стального оттенка. Как у тебя. И характер твой, она спокойная, но в обиду себя не даст. Это наша с тобой дочь, Сережа. Скоро ты увидишь ее… Ты так давно не видел ее. Она подросла. И она тоже не помнит тебя. И вы сразу поладите друг с другом.

Но он смотрел на фотографию дочери так же безучастно, как смотрел на картины. Тогда Настя резко взяла его за руку и прижала ее к своей груди.

— А это ты помнишь, Сережа? — ее рука скользнула под его одежду. — Я знаю, это ты должен вспомнить, — шептала она, пытаясь возбудить его. — Мы оба должны вспомнить это, Сережа! Миленький ты мой, как же я по тебе скучала! — она повалила его на диван и крепко поцеловала в губы. Только на мгновение замерла, увидев его глаза, увидев его покорный взгляд. — Нет, ты придешь в себя! Ты очнешься!

лась в контекст народной культуры. Гадания приходятся на зимние Святки от Рождественского сочельника до Крещенского сочельника.

И замахнулась для пощечины, чтобы привести его в чувство. Но вовремя очнулась сама и уже осторожно с нежностью поцеловала его в губы.

А Саша Колосов в это время сидел на своей кухне. Сидел в башмаках и верхней одежде. У него не было ни сил, ни желания снять хотя бы курточку. На столе стояла початая бутылка текилы и вместительный бокал, на дне которого маслянисто блестело спиртное. Он долил его до краев и залпом выпил. Отер слезу, выбитую крепким напитком, и прошептал:

— Что ж теперь?..

Это была его первая фраза после звонка Насте.

Спустя четверть часа он снова выпил и пробормотал:

— Не убивать же мне его…

И снова замолчал.

И наверняка это продолжалось бы до позднего вечера, потому что его бар был забит выпивкой. Но в два часа пополудни ему позвонили.

— Колосов слушает, — он успел забыть, что договорился с Харапцевым на это время.

— Саша, договоренность в силе? — спросил тот.

— Да, я приеду.

— Отлично! Я встречу вас на въезде в город.

— Обязательно, Владилен Иванович, — пьяно усмехнулся Колосов. — Я обязательно приеду! И вы обязательно встретите меня на въезде в город! Это произойдет, — он посмотрел на свои часы и пошевелил губами. — Через семнадцать часов тридцать минут и ни минутой позже! Засекайте время, Владилен Иванович!

— Саша, если вы передумали, я пойму, — осторожно произнес тот.

— Нет, что вы, Владилен Иванович, — после пьяной тирады Колосов немного пришел в себя. — Я не передумал! Заняться мне все равно нечем, не водку же глушить... Приеду и осмотрюсь на месте.

— Замечательно, — в голосе Харапцева продолжало сквозить сомнение. — В таком случае позвоните мне, когда будете подъезжать к городу. Я буду ждать вас на въезде.

— Владилен Иванович, могу я задать вопрос?

— Конечно.

— Хотя нет… Это нетелефонный разговор. Поговорим с глазу на глаз.

— Хорошо, Саша. Я жду вас.

Несколько мгновений они слушали дыхание друг друга. Наверняка обоим было еще что сказать. Но наверняка все это уже относилось к нетелефонным разговорам.

А потом Колосов осторожно нажал на кнопку отбоя и прошептал:

— Мафия… А они все те же, да, Саша? Совсем не изменились.

Он снова потянулся к бутылке, но вовремя вспомнил, что путь неблизкий. Взял в руки мобильник и позвонил главному редактору:

— Аркадий Валентинович, в Клиничи[4] сегодня уезжаю!

— Хорошо, — откликнулся тот густым басом. — Командировочные и все остальное задним числом оформим. Средства́ на карту скину. Удачи, Александр! На рожон не лезь! Техника безопасности превыше всего! С врагами не пей! С друзьями тоже!

— Да-да, Аркадий Валентинович, я все помню! Увидимся в понедельник. Постараюсь управиться за два дня. Если что-то изменится, поставлю в известность.

— Что ж, Александр, добавить мне нечего. Береги свою светлую голову!

— Да-да, Аркадий Валентинович, я помню! До свидания!

[4] Вымышленный промышленный город на юге Челябинской области.

Он убрал телефон, чувствуя досаду на самого себя: жалел уже, что наговорил спьяну лишнего первому собеседнику, а позже отзвонился второму.

— И куда меня снова понесло? К чему все это? — прошептал он. — Давно пора осесть в офисе, править чужие статьи или завести колонку и строчить по пять тысяч слов в неделю. И неважно уже, будут прислушиваться или не будут… А если бы и так? — уже с улыбкой произнес он. — Изменило бы это что-нибудь? — и обратился мыслями к Насте: — Мы с тобой гоняемся за синей птицей. И оба уверены, что видели ее и знаем, где ее искать.

Он прошел в кабинет, открыл ноутбук и отправил электронное письмо на рабочий адрес подруги:

«Настя, я все так же люблю тебя. Мы оба не правы. Но ты должна знать, что мне не больно. Хотя я разочарован».

Но в этот момент он не чувствовал ни боли, ни разочарования. И вспомнил, как они неожиданно сошлись полтора года назад после новогоднего губернаторского приема. Когда она уже перестала чувствовать в своей груди сердце.

Алкоголь незаметно выветрился из его крови. Спустя час, когда пригороды остались за спиной, Колосов почувствовал себя вполне протрезвевшим.

— Валера, Валерочка, это движение вы снова делаете неверно! — с улыбкой произнесла Ксения Васнецова. — Сашенька, я сама покажу Валерию Петровичу, как это делается! — она сменила партнершу высокого полного мужчины и произнесла своим обволакивающим грудным голосом: — Правую ножку вы забываете ставить на носочек. Валера, вы забываете об этой существенной детали вальса. Давайте попробуем еще раз отработать это движение. Только не спешите, Валерочка! Я не меньше вашего хочу, чтобы в день свадьбы все увидели крылья вашей любви. Это так романтично и уже уходит в прошлое!

— Ксения! — он откашлялся. — Ксения Павловна!

— Валерочка, мы с вами говорили уже достаточно, — она с улыбкой приложила палец к его губам и незаметно повела по кругу.

— Ксения, я должен поговорить с тобой и поговорить серьезно!

— Валерочка! — пропела она. — Сейчас для вас нет ничего серьезней предстоящей свадьбы!

— Ксения, не будет никакой свадьбы, — мужчина снова откашлялся. — После свидания я думаю только о тебе…

— Валерий Петрович, не было никакого свидания, — в лучистых глазах Васнецовой блеснул смех. — Просто мне стало любопытно, какой вы на самом деле. Валера, я боюсь разочаровать вас. Но я не получила удовольствия. Мне жаль…

В этот момент мелодия вальса иссякла, и в зале наступил краткий миг тишины.

— Но как же так? — ее партнер осекся.

— Нет никаких «но», — она снова приложила указательный палец к его губам. — И быть не может.

Их объяснения нарушили хлопки в ладоши.

— Браво! Бис! Но вы не подходите друг другу! — в дверях стояла Елисеева. — Я поняла это сразу.

Она подошла к Васнецовой и увлекла ее за собой. Они кружили в безупречном танце. Валерий Петрович понял все и отшатнулся, как от удара. Он мгновенно побагровел, прошептал что-то сквозь зубы и стремительно прошел к выходу.

— Валерий Петрович! — вслед ему улыбнулась Васнецова. — Не забывайте, у вас осталось еще два занятия.

— Я больше не приду! — бросил он через плечо.

— В таком случае желаю вам счастья!

Через мгновение мелодия затихла. Отдыхавшие от занятий ученицы Васнецовой смотрели на них с восхищением. А Нина не спешила выпускать ее.

— Что между вами? — спросила она.

— Я сказала правду. Он не в моем вкусе.

— Одно меня радует — сейчас все не в твоем вкусе!

— Я больше не хочу говорить об этом, — Ксения высвободилась из объятий.

— А я только хочу закончить этот разговор, — Нина поймала ее за руку. По сравнению с высокой и изящной Васнецовой она казалась приземистой и угловатой. — Я устала от игр, мне так плохо…

Ксения посмотрела на нее с полуулыбкой.

— Это не игра. И когда-нибудь я расскажу тебе все. Давай лучше поговорим о тебе, — она осторожно прикоснулась к ее руке. — Я же вижу что-то случилось.

— Мы никогда не закончим этот разговор, Ксюша!

Они отошли к окну.

— Это так странно и непонятно для меня, — с полуулыбкой произнесла Васнецова.

— Конечно, странно! — уже не сдерживаясь, бросила Елисеева.

— Сейчас я о нем говорю, Нина. Свою невесту он знает несколько лет. Ухаживал, клялся в любви. Когда пришел на занятия, говорил, как безумно любит ее, жить без нее не может. Я была с ним всего один раз! В раздевалке, две недели назад. Как животные… Это непостижимо. Иногда мне кажется, чем старше я становлюсь, тем меньше понимаю людей.

— Глядя на тебя, мужиков понять нетрудно, — усмехнулась Нина.

— Извини, я не подумала, — она снова невесомо коснулась ее руки. — Я прошу тебя, забудь обо всем. Мы меняемся. Меняемся не сразу, не вдруг. Незаметно для самих себя. И тем более незаметно для других. Но когда это происходит, понимаешь, что больше не будешь и не сможешь жить как прежде… Ты кушала?

— Недавно поела, — ответила Нина, стараясь не смотреть на нее.

— Я прошу тебя, отпусти эту боль и это разочарование.

— Я пойду! Мне еще нужно кое-что сделать. Всего хорошего!

— Нина, куда ты? — теперь уже Васнецова поймала ее за руку. — Подожди немного, я приму душ, и мы посидим в кафе.

— Не до кафе мне сейчас! — Нина резко развернулась и стремительно пошла на выход.

— Я позвоню тебе! — голос Васнецовой догнал ее уже в дверях.

На улице ветер бросился ей в лицо, взбил короткие темные волосы и вихрем улетел в голые кроны деревьев. И в этот краткий миг ее душа вознеслась на то небо, откуда ясно видны и будущее, и прошлое. И Нина увидела нечто похожее на кошмарный сон. Она вздрогнула, пришла в себя и огляделась по сторонам.

В стороне от дороги среди деревьев стояло несколько машин с тонированными стеклами. Одна из них была ее машиной. Нина какое-то время вглядывалась в окна остальных, потом выругалась шепотом и вытащила из кармана ключи. Сейчас, спустя минуту, она уже не помнила, от чего замерла на крыльце и зачем разглядывает чужие машины. Но в сердце осталось смутное предчувствие беды.

Весь этот пасмурный день пошел насмарку.

Она вернулась в свою пятикомнатную квартиру, обставленную и чистенькую. В свой опостылевший дом — оплот опостылевшей жизни. Подошла к окну в гостиной и прижалась лбом к холодному стеклу. Под ее окнами раскинулась детская площадка: разноцветные качели, горки, песочницы. Нина несколько минут смотрела на играющих детей, а потом взяла в руки телефон и даже набрала номер Васнецовой, но так и не нажала на кнопку вызова.

В ту же минуту Ксения прервала объяснения, извинилась перед ученицей — стройной, белокурой девочкой: «Анечка, давайте сделаем небольшой перерыв» — и тоже подошла к окну.

Под потолком витала нежная инструментальная музыка. Город за окном был серым и пасмурным, ветер гонял по дорогам мусор. Васнецова прикоснулась к оконному стеклу. По ее губам скользила легкая улыбка. Она села на скамью и положила рядом с собой телефон. Но прошла минута, вторая, третья. Ученица смотрела на нее уже с нетерпением. Закончилась одна композиция и началась другая.

— Хорошо, Анечка, — улыбнулась Васнецова. — Давайте продолжим занятие. Смотрите внимательно — это движение корпусом должно выполняться на три четверти. Вот так!

А Нина набрала другой номер и хрипло рассмеялась, когда ответили:

— Да, угадал — заколебалась! Скоро приеду! Оторвемся! Жди!

Она не стала слушать ответ. Бросила телефон в сумочку и подняла глаза к небу. В это мгновение на ее лице отразилось такое сложное чувство, что словами его не описать. Но в этот миг ей наверняка было очень больно.

Время подходило к пяти часам пополудни. Настя стояла возле окна. А за окном было так же сумеречно, как на ее сердце. Ветер рвал рекламные растяжки над дорогами, гнал темный вал облаков, они задевали крыши высоток. Казалось, еще мгновение и на город обрушится снежная буря.

— Как будто из тебя душу вынули, — она отвернулась от окна.

Плетнев сидел в кресле и смотрел в пол. Она подошла к нему и присела на подлокотник.

— Сережа, что с тобой? Ты и такой, и не такой… Ты можешь обещать мне одну вещь? — она несколько мгновений ждала от него ответ. — Ты должен обещать, Сергей. Иначе я не смогу помочь тебе… Просто скажи: «Я обещаю…» — и взяла его за руку. — Ты всегда держал слово. Всегда делал обещанное.

— Я обещаю, — едва слышно выдохнул он.

— Я увезу тебя за город, — сказала Настя. — Там тихо и спокойно. Там ты придешь в себя, я в это верю! Будешь жить со стариками, которые присматривают за нашим домом… Когда-то мы с тобой ездили к реке. В то время там был осинник и заброшенные поля. Ты сам выбрал это место и купил землю. Ты мечтал об усадьбе! А сейчас там стоит несколько домов, живет уже несколько семей. Замечательное место! Люди называют его Плетневкой. И когда-нибудь там вырастет поселок. Его назовут Плетнево или Плетенево… Скажи что-нибудь, Сережа, — она склонилась над ним. — Хотя бы скажи, хорошо тебе сейчас?

— Да, — он все еще неуверенно прикоснулся к ее щеке. — Ты очень красивая.

— Да, — в глазах Насти блеснули слезы. Она прижала его ладонь к своим губам и прошептала: — Ты уже возвращаешься, ты уже возвращаешься… Только оставайся со мной. Я больше не вынесу разлуки.

Она прижалась к его груди. И на мгновение в квартире Верес воцарилась тишина. И в этой тишине можно было различить биение их сердец.

А потом Настя снова подошла к окну — прекрасная женщина на фоне сумеречного города и темного неба над ним. И в это мгновение сердце ее гостя неуверенно качнулось в груди, и время для него потекло вспять. Он многое не помнил, но воспоминания о первом вечере своей новой жизни ему хватило с лихвой.

Плетнев неожиданно вжался в кресло и застонал.

Настя резко обернулась:

— Сережа, что с тобой?! Что с тобой, Сережа?..

Но он уже не слышал ее. Волной воспоминаний его отбросило в прошлое.

После Рождества случилась оттепель. К полудню начинал сочиться снег с кровли, а после заката водостоки обрастали острыми сосульками. И вскоре обнажились обочины и оттаявший асфальт на дороге.

Вершинин смотрел из окна в сад и на заснеженное поле, по краям которого громоздился лес. Дорога разрезала снежную целину на равные половины. И надо всем этим нависало бледное небо с зимним, растекшимся над горизонтом солнцем и дымками вместо облаков.

Вершинин какое-то время смотрел окрест, чувствуя, как морок вновь захлестывает его. И чтобы отвлечься, стал наблюдать за стайкой птиц, прилетевших к кормушкам, устроенным когда-то в саду его дочкой Варенькой. Последний раз кормушки наполняли зерном в начале зимы, когда гостила у него сестра с сыном. Но по старой памяти птицы продолжали наведываться в сад. И Вершинин подумал о том, что нужно все-таки собраться и сделать это — пройти по уже едва заметным следам в снегу и снять кормушки.

В этот момент он отчетливо вспомнил, как дочка выбегала из дому с кульком корма для птиц и обходила весь сад. И в тот же миг понял, что до сих пор ждет, когда этот страшный сон прервется. Ждет мгновение, когда откроет глаза, и увидит жену, и увидит детей живыми и здоровыми. Он понимал, что эти мысли и ожидания — знак недуга. Впрочем, заводить разговор о здоровье и душевном равновесии после случившегося с ним было нелепо. У него осталось все и не осталось ничего. Он бы до последней копейки отдал все за один из дней, безмерное счастье которых понял позже.

Вершинин сел на кровать и закрыл глаза ладонью. В голове гремели голоса тех, кто сочувствовал ему и давал советы после гибели жены и детей, после их похорон, и продолжал делать это по сей день. Но что они могли знать о его потере? Если бы он мог обрушить на каждого из них безбрежный океан своей горечи, сделал бы это без сожалений. Когда он думал об этом, мечтал об этом, то невольно вспоминал слова из Откровения Иоанна Богослова: «Имя сей звезде Полынь»[5]. От Иоанна он не помнил больше ни слова, но сердцем чувствовал все, что тот сказал и мог еще сказать об этой звезде. Потому что полтора года назад звезда горечи и потерь взошла над его окном. Взошла и продолжала светить яростным блеском днем и ночью. И только Бог ведает, как и почему он не потерял рассудок. А ведь многие считали, что Вершинин на удивление легко пережил потерю родных.

— Я сделал дом свой местом казни[6], — прошептал он еще одну фразу, накрепко засевшую в голове, и повторил: — Я сделал дом свой местом казни.

Он знал, что должен сделать и что сделает. Это было между ним и Господом. Бог отпустил ему немного времени, не оглушил безумием, не вложил в руку петлю или ствол. Но сделал орудием своего гнева, потому что зверь, поправший все законы — и Божьи, и человеческие, — все еще ходил по земле. Вершинин удерживал себя на этом свете ради часа, когда зверя изловят. И Бога молил об одном, чтобы зверя не поймали те, кто также шел по его следам. И Вершинин готов был ждать часа расплаты остаток дней. Но верил, что Бог поможет, и зверь вскоре угодит в один из капканов.

Охота на киллера продолжалась полтора года. Возобновилась, когда он понял, что ошибся в первый раз. Средства и связи позволили ему раскинуть сеть поисков на несколько регионов. Он не сомневался, что рано или поздно киллер попадет в нее, как попал один из причастных к убийству. И каждое утро Вершинин вставал с мыслью о казни киллера, и каждый вечер засыпал с ней. А исполнение он разглядел в лучах беспощадной звезды Полынь. Однажды он понял, как именно употребит гнев.

В кармане пиджака басовито загудел телефон. Беспокоил секретарь:

— Александр Николаевич. Звонок от Одинцова. Соединить?

— Да! — Вершинин снова подошел к окну.

— Александр Николаевич! — бодро доложил начальник службы безопасности. — Объект задержан! В данный момент груз переправляем из Новосибирской области авиацией!

---

[5] Откровение, 8:11.

[6] Dante's Canto XIII.

— Не ошибаетесь? — спросил Вершинин, чувствуя, как сердце в его груди на мгновение замерло и сделало новый тяжелый удар.

— Нет никаких сомнений, Александр Николаевич.

— Препарат ввели?

— Внутривенная инъекция!

— Действует?

— По заключению специалистов, препарат действует!

— Слава богу, — с облегчением выдохнул Вершинин.

— Поздравляю вас, Александр Николаевич!

— Спасибо, Валерий Сергеевич. В конце недели жду вас у себя.

— Почту за честь, Александр Николаевич, — отозвался тот.

— Спасибо вам за добрые вести, — голос у Вершинина потеплел.

— Это наша работа.

— Посылку вашу жду с нетерпением! — Вершинин положил телефон на подоконник и сделал глубокий медленный вдох. Ожидания, томившие его с утра, не обманули.

Рядом скрипнула половица. Человек на тахте вздрогнул и открыл глаза. Он очнулся в полутемной комнате с высокими потолками. Наверное, начинался вечер. Шторы на окне были из полупрозрачной ткани, но свет с улицы едва пробивался сквозь них.

— Здравствуй, Сергей. Как ты себя чувствуешь?

Лежавший вздрогнул уже от неожиданности. Словно тени сгустились, и незнакомец появился из них. Он был худощав, среднего роста, лет сорока с небольшим.

— Что со мной? — с трудом произнес человек на тахте, уже понимая, что его зовут Сергеем, что он жив, но нездоров.

— Ты в моем доме, — незнакомец сел в кресло рядом с ним.

— Я вас не знаю. Я не помню вас.

Лежавший говорил так, словно его разбило инсультом. Говорил медленно, иногда обрывая фразу посередине слова.

— Верно. Ты меня не помнишь. Но ты меня знал. Нас связало общее дело.

— Мы были партнерами?

— Нет, Сергей. Ты наемный убийца.

— Кто?! — он закрыл глаза. — Это неправда!

— Ты назывался разными именами. Но отец с матерью назвали тебя Сережей. Ты — Плетнев Сергей Андреевич. И ты — убийца, Сергей. Ты убивал людей за деньги. Тебе нравилось зарабатывать деньги на смертях. И делал ты это исключительно хорошо.

— Нет! — Плетнев попытался встать, но силы оставили его. Он был еще слишком слаб.

— Я объясню, зачем ты здесь, — не обращая на него внимание, произнес собеседник. — Ты не закончил одно дело. Ты должен закончить его. И после этого станешь свободным.

— Но я ничего не помню, — покачал головой тот. — А если вы ошибаетесь?

— Я не ошибаюсь! Я не могу ошибаться! — его собеседник резко склонился над ним. — Ты — убийца! Многие хотят до тебя добраться. Но повезло мне… Я нашел тебя в сумасшедшем доме, без прошлого и без документов. Я назвался твоим братом.

— Я вас не понимаю, — Плетнев еще раз попытался сесть, сейчас ему это удалось. — Кто вы?

— Я — Вершинин. Ты все еще не вспомнил меня?

— Нет.

Вершинин побарабанил пальцами по подлокотнику. Со стороны он казался образцом хладнокровия.

— Да, наверное, — он что-то решил для себя. — А вот многие не забудут тебя до гробовой доски. Хотя для большинства ты так и останешься безликим и безымянным бичом божьим. Держи, — он бросил на тахту пачку фотографий.

— Что это?

— Фотографии убитых тобой. Фотографии их родных. Они тоже выжили не все.

Он прошел к двери и щелкнул выключателем.

— Зачем мне это?

— Поможет растормошить память, — Вершинин не сводил с него взгляд. — Взгляни на них, от этого не умирают.

Плетнев посмотрел на рассыпанные веером фотографии. Десятки лиц: дети, женщины, мужчины. Сотни глаз смотрели на него, сотни настороженных или спокойных, но в большинстве своем счастливых глаз. И на мгновение мысли его смешались. На краткий миг, всего на долю секунду, но и этого хватило, чтобы он ясно увидел череду этих людей и почувствовал свою связь с ними.

Он отбросил фотографии, слез с тахты и с трудом добрался до окна. Он был рослым и мощным.

— Вот еще одна, — Вершинин бросил ее на подоконник. — Твой последний клиент. Покончишь с ним и станешь свободным.

Плетнев посмотрел на фото. Светловолосый человек показался ему знакомым. Но где и при каких обстоятельствах они встречались, он так не вспомнил.

— Узнал? — спросил Вершинин.

— Нет. Но кажется знакомым. Я могу побриться, принять душ?

— Принять душ можешь. Побриться — нет.

Плетнев прикоснулся к своей аккуратной русой бородке.

Они вышли из комнаты и оказались в коридоре. По одну его сторону шел ряд темных дверей с позолоченными ручками. А с другой, ряд больших окон, между которыми висели охотничьи трофеи: волчьи и кабаньи головы, головы лосей, косуль, чучела тетеревов. За окнами белел зимний вечер.

— В доме мы одни, — тем временем говорил Вершинин. — Никто не помешает.

Он как-то странно посмотрел на него, и гость снова почувствовал подтекст в его словах.

— Похоже, вы состоятельный человек, — заметил Плетнев.

— Любое богатство — пыль, — усмехнулся Вершинин. — Сейчас я это знаю точно. За этой дверью ты можешь принять душ. Приведи себя в порядок и спускайся к ужину.

Спустя четверть часа Плетнев спустился в столовую. За обширным обеденным столом его дожидался хозяин дома. Если верить ему, ужинать собиралось двое, а накрыто было для дюжины человек.

— Занимай любое место, — Вершинин пригласил гостя за стол.

— В душевой я не нашел зеркало. Прошу прощения, если выгляжу небрежно.

— Зеркала убрали из старого поверья. Я потерял близких… Мы еще поговорим об этом. А сейчас подкрепись. Перед казнью всегда так, — прошептал он, наблюдая за Плетневым и сказал уже громко: — Я пью за свободу!

Плетнев тоже поднял бокал, но вино едва пригубил.

— Что есть настоящая свобода, как не произвол? Думаю, ты всегда был свободен.

— Не знаю. Я не помню ничего, — ответил Плетнев. — А что, если вы ошибаетесь?

— Что, если? — вслед за ним повторил Вершинин. — Волшебная формула. Когда кажется, что все можно изменить… Или жить по принципу: сделал и забыл. Сменил шкуру и забыл. Забыл о любимых, о детях. Забыл об отце с матерью… Сейчас я говорю о тебе. Ты забыл себя. Забыл, кем был и с кем был. Забыл, кто ты есть на самом деле. Но скоро это пройдет.

Еще несколько часов и память вернется. Должна вернуться… Но какими чудовищами делает нас жизнь… Скажи что-нибудь.

— Мне нечего сказать.

— А мне интересно, кем ты станешь, когда вспомнишь себя?

Плетнев вздрогнул, но не от его страшных по сути своей слов. Ему показалось, что за столом сидят призраки.

— Видишь их? — Вершинин залпом выпил и потянулся к бутылке. — Ты тоже их видишь, я знаю.

— Иногда я не понимаю, что происходит, — ответил Плетнев, к еде он так и не притронулся.

— Тебе вкололи препарат, вызывающий временную потерю памяти. Редкая и дорогая штука. Тот, что подешевле — стирает память напрочь. С его помощью делают рабов. Он как напалмом выжигает память, все воспоминания, впечатления, чувства. Ты ведь лучше меня знаешь, что такое напалм. Просто не помнишь. Пока не помнишь. Он выжигает все. Остаются только обугленные кости… Ты сжег мою жену и моих детей…

На Плетнева страшно было смотреть. И непонятно было, то ли память к нему уже начала возвращаться, то ли он представил сожженных напалмом людей.

— Оставлю тебя наедине с ними, — Вершинин встал. — Я тоже знаю, они — здесь.

Он поднялся наверх и заперся в кабинете. Сел за письменный стол, взял пистолет в верхнем ящике. В этот момент он чувствовал почти непреодолимое желание спуститься в столовую и прикончить Плетнева одним выстрелом. С трудом, но все же поборол его. Потому что время еще не пришло, и он не подвел этого гада к последней черте, за которой зияет бездна.

А Плетнев тем временем вышел на крыльцо и замер. Было очень тепло, даже сейчас после захода солнца не прекращалась капель. Воздух был чистым, пропитанным ароматом отсыревшей древесины, талой воды и еще чего-то, что приносит с собой только весна.

От окон особняка падал на сугробы приглушенный шторами свет. Он выхватывал из вечерних сумерек заснеженный сад. Плетнев полной грудью вдохнул пропитанный весенним духом воздух и улыбнулся. Он не помнил прошлое, не помнил зимних оттепелей и аромата весны, но сейчас это было ему приятно. Возможно, вся его жизнь была отравлена деньгами, он и этого не помнил. Не помнил обстоятельств, толкнувших на страшный путь, в конце которого он очнулся в этом доме. Его прошлое было отглушено и не давило из бездны. И сейчас ему были приятны тишина и покой теплого вечера. Он не ведал ужасов, содеянных когда-то, они не тяготили его.

Плетнев спустился с крыльца и прошелся среди кустов по талому снегу. Здесь на кустах и яблонях были подвешены кормушки для птиц. Плетнев шел от одной кормушки к другой и, остановившись возле последней, внезапно рассмеялся. Так легко сделалось на его душе.

Вернувшись в дом, он поднялся на второй этаж. Вершинин стоял возле окна. Со стены скалилась на него голова волка.

— Хорошо быть живым, — заметил он. — Зайди в кабинет.

Возле стены работал телевизор. Камера выхватила панораму городского кладбища. На фоне пасмурного неба мелькнули кроны вековых сосен. Донесся издалека голос православного священника, отпевающего покойных. Камера окатила бесстрастным взглядом толпу провожающих и замерла на трех гробах из резного дуба.

— Гробы закрыты, — с нарочитым спокойствием произнес Вершинин. — Это напалм. Бронированная машина — бронированный гроб. И хитроумие разумных обезьян… Ты наверняка тщательно изучил предмет: взрывами двери заклинило, бензобак был поврежден, и горючее вспыхнуло… Огненный ад и мои дети. До сих пор я не решил для себя: ошибся ты в тот день или… Моей жене было — тридцать пять, дочери — одиннадцать, сыну — пять лет. Я

не знаю, какой бес наворожил им такую судьбу. Но я знаю человека, который выполнил его волю…

— Вы ошибаетесь, — пробормотал Плетнев. — Я вам не верю.

— Сейчас ты можешь побриться. Сбрей бороду.

Как только он вышел из кабинета, Вершинин вытащил из кармана пистолет, положил его на журнальный столик и замер. Спустя несколько мгновений легко поднялся и снял пистолет с предохранителя. Его заверили, что память к Плетневу вернется спустя несколько часов после инъекции. И Вершинин ждал, когда он снова станет хищником. Временно ослабевшим, но все же хищником, а не жертвой.

Плетнев сидел на полу, прислонившись спиной к стене. Зеркало и бритва лежали в раковине.

— Вы меня убьете?

— Ты вспомнил?

— Нет. Но я понял, что вы задумали.

Вершинин протянул ему пистолет.

— В обойме один патрон, — сказал он. — Ты можешь убить меня или убить себя. Выбор за тобой.

— У меня нет выбора, — Плетнев посмотрел на него.

— Верно, у тебя его нет, — Вершинин усмехнулся. — Все это время ты жил в Новосибирске. Тебя привезли ко мне сегодня после полудня. Если бы я не устроил облаву на тебя, ты бы продолжал убивать. Убивал, а после этого жил как все. Не нужно обманывать себя, ты — убийца. И это знаю не только я. А сейчас решай: кому жить, а кому умирать? Я жду.

Он ушел в кабинет.

Плетнев поднял пистолет с пола.

Вершинин смотрел запись. На экране мелькнули кроны вековых сосен. Донесся издалека голос священника, читавшего литию[7]. Камера окатила бесстрастным взглядом толпу провожающих и замерла на трех гробах из резного дуба.

— Скоро свидимся, родные мои, — прошептал он. — Недолго осталось.

Дикий кот осторожно пробирался по талому снегу к дому. Когда темнело, он приходил сюда и питался объедками из мусорных баков. В этот вечер было особенно тихо: не бродили перед домом рослые люди, повар не стоял возле заднего крыльца с сигаретой в зубах. Из дому вышел только один человек. Увидев его, кот затаился, а когда человек вышел за ворота и канул в ночи, продолжил свой путь к мусорным бакам.

— Где он сейчас? — Вершинин стряхнул пепел с тонкой сигары. Кисть его правой руки была забинтована.

— На городской свалке, — Богоев сел за обеденный стол напротив хозяина. — Мои парни там, ждут указаний.

— Выпей кофе, Тимур, — Вершинин пододвинул к нему чашку.

— Спасибо! — Богоев пригубил кофе и повторил: — Мои парни ждут.

— Пусть живет пока, — распорядился Вершинин. — А когда он оправится, я снова устрою ему ад… И еще раз, а потом еще… Но знать об этом будут только ты и твои парни.

Он оставил сигару в пепельнице и посмотрел в окно.

Светало. Тусклый рассвет разливался с восточного горизонта, затянутого сплошной облачной пеленой.

— Александр Николаевич! — окликнул его мужчина в темно-синей робе. — Вы бы все-таки подумали, лучше поменять все стекло в окнах на бронированное.

---

[7] Краткий чин панихиды, заупокойная служба по покойному, совершаемая на могиле или в доме после похорон.

— Зачем мне это, Семен Иванович? — спросил Вершинин, не оборачиваясь к нему. — У меня машина была бронированная.

— Мы все сделали, но стекло есть стекло, — пожал плечами тот.

— Спасибо, Семен Иванович, — Вершинин обернулся и остановил его движением руки. — Давайте накладную.

Он подписал необходимые бумаги и вновь принялся смотреть в окно. В этот момент его ум не был отягощен мыслями, но и не был от них свободен. Он отстраненно наблюдал за тем, как за окном мерно вышагивает боец Богоева и второй, такой же высокий парень с аккуратной бородкой, стоит за кованым забором и смотрит в сторону леса. Он слышал, как рабочие без спешки выносят инструмент из дому. И когда в доме стихли шаги последнего из них, Богоев сказал негромко:

— Саша, мы похороним его через десять минут. Если захочешь, живьем закопаем. Или на куски порежем. Порежь его на куски сам…

— Нет, Тимур, — Вершинин посмотрел на него. — Я не хочу видеть его смерть. Я хочу видеть его муки. Но ты должен обещать мне. Если я вдруг умру, он умрет следом. Сразу после меня. И ты проследишь за этим.

— Саша, — Богоев встал со стула. Он был высоким и мощным, тоже носил аккуратную бородку каштанового цвета. Он склонился к Вершинину и сказал, стараясь не смотреть собеседнику в глаза: — Так нельзя, Саша. Нельзя отпускать такого волка на волю.

— Тимур, дай мне слово!

— Я никогда с тобой так не разговаривал. Но и ты никогда такое не делал. Это — сопли, Александр Николаевич. В конце концов, ты с ним побратаешься.

— Слово! Дай мне слово! — оборвал его Вершинин, и в этот момент стало понятно, почему в этом доме хозяин он. — Он будет жить, пока…

— Обещаю, — кивнул Богоев после короткой паузы. — Но это ошибка.

— Главное, чтобы твои абреки его втихую не зарезали. Понимаешь меня?

В этот момент на улице скрипнули тормоза, спустя мгновение хлопнула входная дверь и женский голос разлетелся по дому:

— Саша! Саша! Где ты?!

Настя остановила машину на косогоре, вышла из нее и потянула за собой Плетнева.

— Посмотри, Сережа, это наш дом! — она показала на трехэтажный кирпичный особняк на берегу неширокой реки. — А это дома наших соседей: Степановых, Веселовских, Любимовых. Веселовских и Любимовых ты даже не знал, и это хорошо! Ты познакомишься с ними! Посмотри на наш дом! Он тебе нравится? — она прижалась к нему. В этот момент она была счастлива. — Ведь это твой дом! Ты неделями сидел с архитектором, пока вы не придумали его. И эти сосны тоже оставил ты. Те сосны на берегу! Мы сделали там качели и тарзанку для детей. А летом натягиваем гамаки… Господи, как же давно тебя не было! Милый мой, милый! — она поцеловала его. — Только не молчи ты сейчас, Сережа, не молчи! Скажи что-нибудь!

— Здесь красиво, — почти прошептал Плетнев.

Он смотрел вдаль, за реку, за поля и перелески, тянувшиеся до самого горизонта. В этот момент он больше всего хотел освободиться от своей спутницы и уйти в эти темнеющие дали. Идти весь день, а вечером приготовить ночлег, развести костер и рухнуть на подстилку из сосновых лап. Но все его мысли смешались через несколько мгновений от криков, раскатившихся за спиной: «Э-э-эй! О-о-ой! Настя! Настенька! Анастасия Максимовна!»

От зарослей осинника поднимались на косогор два неказистых человека. Наблюдать за ними с высоты было забавно. Они часто останавливались, переводили дух и смотрели на Настю с Плетневым, гримасничая от натуги и желания улыбнуться.

— Это наши соседи — Веселовские, — объяснила Настя. — Брат с сестрой, Петр и Василина. Они больные люди, молодые, но очень больные. Родители специально построили для них дом за городом, на берегу реки, — она вздохнула: — Хотя зачем я тебе это говорю?

Она улыбнулась соседям и пошла к ним навстречу:

— Петенька, Алиночка! Как я рада вас видеть!

Они принялись целоваться.

Рядом с неуклюжими, малорослыми Веселовскими красавица Верес казалась богиней.

— А мы за грибами ходили, Анастасия Максимовна! — срывающимся от радостного волнения голосом говорил Петя.

— Настенька, мы только сегодня вас вспоминали! — перебивала его сестра. — Папа с мамой уехали на несколько дней в Пермь! А мы так хотели увидеть вас! Наверное, Бог услышал наши молитвы!

Они были толстыми, улыбчивыми коротышками с признаками аномалии Дауна. Но что-то произошло то ли в утробе матери, то ли на небесах, и природа наградила их недюжинным интеллектом.

— А это еще что за чудо? — спросила Настя, взяв из рук Пети полиэтиленовый мешочек с грибами. — Они точно съедобные?

— Конечно, Анастасия Максимовна! — с жаром кивнул тот. — Это первые весенние грибы: сморчки и строчки. Они вам обязательно понравятся!

Его возраст еще можно было определить по юношескому задору, потому что ожиревшее и бесформенное лицо скорее говорило о старости.

— Спасибо, Петенька! Но боюсь, это лишнее, — улыбнулась Настя.

— А кто ваш спутник? — спросила ее Василина.

— Вы не представляете, как я счастлива, милые вы мои! — рассмеялась она. — Я так много рассказывала вам о нем!

— Это Сергей? — шепотом спросила Василина. — Тот самый Сергей Плетнев?

— Да, это он. Это — мой Сережа!

— Господи! — широко улыбнулась Василина. — Значит, у Дашеньки папа нашелся… Я так рада за вас! Я так рада за вас, Настенька!

И вновь Насте пришлось наклоняться, чтобы расцеловать их.

А Плетнев стоял в стороне. И вновь в нем поднялось желание сбежать от этих людей и затеряться среди полей и перелесков. Забыв их, как старательно забывают дурной сон. Потому что все случившееся с ним сегодня было похоже на такой сон. Потому что все, что он знал и помнил, ему уже хотелось забыть.

А в версте от них стоял черный джип. Темноволосый мужчина в длинном пальто наблюдал за происходящим в бинокль.

— Руслан, ты бывал здесь? — спросил он водителя.

— Да, — кивнул тот.

— Кто здесь живет?

— Коммерческие… Слушай, Заза, сколько мы еще этого барана пасти будем?

— Я не знаю, — ответил человек с биноклем. — Руслан, нужно узнать, кто эта женщина? Позвони Алику Миниятову. Машина: Инфинити, черный, номер: М555МК.

— Сейчас сделаю, — отозвался водитель и спустя несколько секунд забубнил по мобильному: — Алик, привет! Тачку пробей! Инфинити, М555МК… Да?! Понял. А какой адрес городской?.. Космонавтов восемнадцать, квартира тридцать пять… Спасибо, Алик!.. Заза, эта баба — Снегурочка, коммерческая, салоны красоты держит. Живет по Космонавтов, дом восемнадцать, квартира тридцать пять.

— Снегурочка, — презрительно усмехнулся тот. — А имени у нее нет?

— Верес, Настя Верес.

— Ты с ней водку вчера пил? — с неудовольствием произнес Заза. — Снегурочка, Настя. Ладно, я сейчас Тимуру позвоню.

А Настя в это время рассадила пассажиров по местам и осторожно съехала с крутой горки к особнякам. И чем ближе подъезжала она к ним, с тем большим томлением ныло в груди сердце. И сладко было ощущать это томление, словно она снова превратилась в маленькую девочку, которая стоит возле новогодней елки на детском празднике и видит, как Дед Мороз улыбается ей, а в руках у него огромный мешок с конфетами и новогодними подарками.

Она притормозила возле кованых ворот. Веселовские выбрались из машины с таким шумом, словно Настя подобрала на дороге не брата с сестрой, а семейку хоббитов.

— Анастасия Максимовна, Сергей Андреевич, сегодня мы ждем вас в гости! Приходите обязательно! — не успев выйти из машины, загомонили они.

— Ведь это такое счастье, Настенька! Это такая радость!

— Я сейчас, Анастасия Максимовна, Сергей Андреевич! Подождите минуту! Я сейчас!

И смешно переваливаясь с ноги на ногу, Петенька побежал к своему дому.

— Что он еще придумал? — с улыбкой спросила Настя Василину.

— Не знаю. Но вы же знаете, он такой выдумщик! Сергей Андреевич, — Василина постучала в закрытое окно.

Плетнев торопливо открыл дверь и вопросительно посмотрел на нее. А Василина неожиданно взяла его за руку и спросила с надеждой:

— Вы придете к нам в гости? Анастасия Максимовна сказала, что вы останетесь здесь. Вы будете приходить к нам в гости?

— Я не знаю, — пробормотал тот. — Простите меня, но я не знаю.

— Алиночка, — ответила за него Настя. — Сергей Андреевич будет приходить к вам в гости. И вы еще подружитесь. А сейчас Сергею Андреевичу нужно осмотреться. Он так давно не был здесь. Он уже все забыл.

— Вот зачем он все это придумал! — внезапно рассмеялась та.

От ворот дома, согнувшись в три погибели, шел Петя. На спине у него лежал громоздкий указатель.

— Я сейчас! Я сейчас помогу ему! — крикнула Василина, словно Настя или Плетнев на самом деле собирались броситься к Петеньке на помощь, и неуклюже побежала навстречу брату.

Взявшись за указатель с двух сторон, они приволокли его к машине и торжественно прислонили к забору.

— Господи! — рассмеялась Настя. — О чем я тебе и говорила, Сережа!

А Веселовские замерли рядом с ними, разглядывая самодельную табличку: «Плетнево».

— Мы ведь все равно называем нашу деревню Плетневкой, — объяснила Василина.

— А здорово мы все-таки придумали, Анастасия Максимовна?! — Петенька вдруг замер, глядя на нее. А спустя мгновение произнес голосом красивым и звучным, забыв о петушином ломаном теноре: — Но я бы назвал это место Вересковой поляной!

— Настенька, мы пойдем! — Василина потянула брата за рукав. — Петя! Идем же, Петя! Идем!

И они ушли, переваливаясь с боку на бок. Они были похожи на пингвинов из шоу восковых фигур. И было заметно, что Петя все время хочет оглянуться. А Василина что-то быстро выговаривает ему.

— Бедные, бедные люди, — с сожалением произнесла Настя, глядя им вслед. — Бог дал им так много, но не дал главного — долгой жизни. Они близнецы, больны чем-то очень редким. И это не лечится. Я разговаривала с их отцом. Жить им осталось в лучшем случае два года. А они необыкновенно умны, золотые медалисты, лучшие на курсе, исследуют религии и пишут книги… И этот мальчик влюблен в меня безумно… Зачем я тебе все это говорю? — она уже

с улыбкой посмотрела на Плетнева. — Хотя… Когда-то ты увлекался философией и всеми непонятными для меня вещами, о которых рассуждают эти несчастные дети. И придет время, когда ты поговоришь с ними. И они тебе понравятся… Сережа, я сейчас загоню машину, а ты закрой ворота.

Он остался возле ворот, а Настя проехала по отсыпанной гравием дорожке к дому. Она вылезла из машины. Плетнев, не отрываясь, смотрел на поля и перелески. И внезапно Настя почувствовала короткий укол в сердце и поняла, что дай ему волю и он в тут же сбежит и снова превратится в бомжа. Только найти его после этого будет уже невозможно, потому что сбежит он на край света.

Она торопливо подошла к нему и взяла за руку.

— Что с тобой, Сережа?

— Что? — он посмотрел на нее, словно из-под толщи воды, словно едва видел и почти ничего не слышал.

— О чем ты думаешь, Сережа?

— Ни о чем, — он отвел взгляд в сторону.

— Ты хочешь уйти? Ты снова хочешь уйти от меня?! — Настя схватила его за плечи и встряхнула. — Я хотела оставить тебя здесь, чтобы ты оправился и в себя пришел! Но сейчас я этого не сделаю… С этого момента ты всегда будешь со мной! Куда бы я ни пошла, куда бы ни поехала, что бы ни собиралась сделать, ты все время будешь рядом! Ты меня понимаешь? — по слогам выговорила она.

— Да, я вас понимаю, — Плетнев со страхом смотрел на нее.

— Господи! Господи! — простонала Настя и снова крепко обняла его. — Сережа, я не знаю, какой бес играет с тобой. Но я вырву тебя из его когтей!

2. Танцы над пропастью

В начале девятого утра мелькнул за обочиной первый рекламный щит: «Мы сделаем мир теплей! Завод теплоизоляционных материалов (ЗТМ), г. Клиничи». И после него через каждые сто метров: «Муниципальный округ г. Клиничи — маленькая капля в океане России!», «Кукурузные хлопья «Сладлюкс» — для тебя!», «Сладости «РазгуляйПоле» — праздник на столе в вашем доме!»[8]. Прочитав последний, Колосов усмехнулся. У него была масса воспоминаний, связанных с этой фирмой. Но на обочину съехал возле рекламного щита: «Компания «Буро» — профессионалы и альпинисты для ваших нужд!» Он отметил в записной книжке контактные телефоны компании и адреса электронной почты. На плакате был нарисован небоскреб с сияющими зеркальными окнами и раскинувшийся под ним мегаполис.

— Стильно, — пробормотал Колосов, разглядывая фантастический город компании «Буро».

Он позевывал, оглядывался на проносившиеся автомобили и пытался встряхнуться. Нужно было позвонить Харапцеву, предупредить о скором приезде в город.

Несколько лет назад он собирал в Клиничах материалы для цикла статей, где детально описал, как хозяйственная структура одного из преступных синдикатов постепенно внедрилась в пищепром России и стала неотъемлемой частью экономики страны: производство растительного масла, свекловичного сахара и макаронных изделий. Постепенно основное производство сместилось на юг России, на Урале осталась лишь сеть кондитерских фабрик «РазгуляйПоле». И снова Клиничи.

Колосов взял с панели телефон:

— Доброе утро, Владилен Иванович. Я в нескольких километрах от города.

— Здравствуйте, Александр Степанович! — отозвался тот. — Надеюсь, добрались без приключений?

— Куда мне подъехать?

— Мы ждем вас на въезде в город, мотель «Три медведя». Там и обсудим наши действия.

Колосов убрал телефон и еще раз посмотрел на рекламный щит компании «Буро».

— Стильно, черт возьми, — повторил он, выезжая на проезжую часть.

На въезде в город построили несколько заправочных станций и придорожное заведение «Три медведя».

На парковке стояло четыре фуры дальнобойщиков и с полдюжины легковых автомобилей. Не успел Колосов припарковаться, как к машине подошел светловолосый паренек:

— Здравствуйте, Александр Степанович! Владилен Иванович ждет вас в шашлычной. Это со стороны леса. Идите за мной.

— Погоди! — остановил его Колосов. — Какой ты шустрый! Ты меня знаешь, а я тебя нет: давай знакомиться! — он протянул для пожатия руку. — Как тебя звать-величать?

— Виктор Марушкин, — паренек после заминки все же пожал ему руку.

— И кто ты, Виктор Марушкин? Местный бандит?

— Шутите? — усмехнулся тот. — Я заместитель директора охранного предприятия «Скала». Мы вас ждали, Александр Степанович. У нас особые отношения с прессой и с правоохранительными органами.

— Что значит «особые отношения»? — Колосов задержал его руку.

[8] Здесь и далее любые совпадения в названиях и аналогии в контексте описываемых событий случайны и не направлены на дискредитацию отдельных персон, либо корпоративных и иных структур. (от автора)

— То есть нормальные отношения, — поправился тот. — Нормальные отношения, какими они должны быть у честных граждан.

— Понятно.

— Кстати, я читал ваши статьи о концерне «ФортЪ», — Марушкин высвободил свою ладонь из пожатия. — Впечатляет. Вы на самом деле никого не боитесь? Или за вас решают деньги? Извините за прямоту.

— Ничего страшного, Виктор… — усмехнулся Колосов. — А по батюшке-то ты кто будешь?

— Виктор Викторович.

— Понятно. А что до твоего вопроса. Разумеется, за меня решают деньги. Деньги и статьи за меня пишут. Нанимаю молодого, озлобленного, нищего журналиста. Обязательно злого и нищего, лучше отъявленного либерала, который мечтает о политической карьере, и он пишет за меня статью.

— Снова шутите? — улыбнулся Марушкин. — Это вы меня извините за любопытство.

— Не за что извиняться, Виктор Викторович, — оборвал его Колосов. — Я ведь не за красивыми глазками к вам приехал. В газете мне заплатят. Владилен Иванович мне заплатит. А если покручусь, еще кто-нибудь заплатит. Так что жизнь прекрасна! Показывай вашу шашлычную.

Харапцев сидел за столиком в компании пожилого мужчины. Перед ними стояло несколько бутылок сухого вина, лаваш и миски с зеленью и специями. Увидев журналиста, он поднялся навстречу.

— Слава богу, Александр Степанович, ты добрался! — он протянул руку для пожатия и снова перешел на «ты». — Присаживайся. С Витей ты уже познакомился. Что бы он ни говорил, он мой ближайший помощник. Ему ты можешь доверять, как мне. А это — Лебедев. Матвей Тимофеевич Лебедев, — представил он своего товарища. — Познакомьтесь!

Лебедев поднялся, он оказался высоким и массивным, его лицо обрамляла седая борода. И Колосов решил, что новый знакомый будет из кержаков[9].

— Саша, присаживайся, — Харапцев пригласил его за стол. — Собственно, инициатором встречи был Матвей Тимофеевич. И сейчас Матвей Тимофеевич хочет услышать от тебя твердое согласие продолжить дело.

— Да, — кивнул Лебедев. Он слегка окал, а голос у него был густой и приятный. — Я хочу знать, не бросите ли вы все на полпути. Потому что дело намного серьезней, чем вы можете предположить. Это не трения двух конкурентов на рынке. Речь идет о вещах более серьезных. Может статься, через месяц никого из нас в живых не останется. Я не пугаю вас, Александр Степанович. Пока мы трапезничаем, еще раз подумайте хорошенько. Вы можете отказаться и вернуться домой. Это будет трезвое, хорошо обдуманное решение.

— Вы достаточно откровенны, — после короткой паузы кивнул Колосов. — Не думаю, что вы держите камень за пазухой. Но вывод напрашивается сам собой. Либо вчера после нашего разговора с Владиленом Ивановичем, либо сегодня ночью произошло нечто из ряда вон выходящее, что и заставило вас отговаривать меня от журналистского расследования. В таком случае, пока мы не приступили к трапезе, — он усмехнулся после этого слова, — будьте откровенны до конца.

Лебедев с Харапцевым переглянулись.

— Вы совершенно правы, — кивнул Лебедев. — Об опасности я не ради красного словца упомянул. Тем более не ради пресловутой проверки на вшивость. Сегодня ночью убили гене-

---

[9] Кержаки́ – обобщенное название староверов в Сибири и на Урале, исторически одна из групп староверов, живших на р. Керженец в Нижегородской области и ставших первой старожильческой волной переселения в Сибирь с европейской территории России.

рального директора ЗТМ Успенского Григория Михайловича. Я был помощником Григория Михайловича. Это он, а не я решил пригласить вас.

— ЗТМ — это Завод теплоизоляционных материалов? — вспомнив один из рекламных щитов, спросил Колосов. — «Мы сделаем мир теплей!»

— Да, — ответил Харапцев. — Семья Успенских — фактический владелец этого завода и еще нескольких предприятий на Урале. В основном — производство строительных смесей, теплоизоляционных и негорючих материалов из природных минералов, таких как базальт и асбест.

— Трения с Боровиковым у Григория Михайловича начались в начале девяностых, — кивнул Лебедев. — Начинали они деловыми партнерами, но со временем стали недругами. Свои деньги Григорий Михайлович вложил в производство, а Боровиков еще несколько лет занимался преступным промыслом. А когда закон возобладал, Боровиков заявил, что часть активов ЗТМ должна принадлежать ему.

— Слушайте, я ничего об этом не знаю, — сказал Колосов. — Хотя как раз в то время работал в вашем городе.

— На фоне скандалов, которые вы расследовали, наши проблемы казались несущественными, — тонко улыбнулся Лебедев.

— Ахмед! — окликнул Харапцев азиата возле мангала. — Накрывай на стол!

Узбек широко улыбнулся и принялся стряхивать прожаренное мясо с шампуров на фаянсовое блюдо. Сидевшие за столом молча наблюдали за ним. И наверняка каждый из них в этот момент думал о своем.

— Кушайте, пожалуйста! — узбек поставил ляган с кебабом на середину стола. — На здоровье, на здоровье кушайте!

Он приложил правую руку к груди и попятился.

— Спасибо, Ахмед, — Харапцев взял бутылку вина.

— Я пить не буду, — отказался Колосов.

— Что ж, — Харапцев отставил вино в сторону. И Колосов понял, что Лебедев с Марушкиным сегодня тоже не употребляют. — В таком случае всем приятного аппетита!

Они принялись за мясо.

— Вы давно не были в нашем городе? — спустя минуту спросил журналиста Лебедев.

— Четыре года. Даже не знаю, на пользу пошло это время Клиничам или во вред?

— Разумеется, на пользу, — улыбнулся Лебедев. — Как бы там ни было, нам только кажется, что работаем мы для себя: деньги на производстве зарабатываем, магазины строим, заправки. Но времена меняются, поколения уходят, а все построенное нами останется людям. И не только нашим детям, заметьте… У вас есть дети, Александр Степанович?

— Нет, детей у меня нет, — ответил Колосов. — Есть подруга, очень близкий человек. Но рожать она больше не хочет.

— Найдите женщину, Александр Степанович. Найдите женщину, которая жаждет иметь детей. Вы не будете жить вместе, но ребенка вы все равно воспитаете сообща. Вы будете счастливы и продолжите свой род.

Колосов усмехнулся. Лебедев не был пьян, но говорил то, что на Руси обычно говорят только очень пьяные люди.

— Я желаю вам сына, — тем временем продолжал говорить тот. — Сегодня ночью умер замечательный человек. И я уверен, что Григория Михайловича в городе не забудут.

На несколько минут за столом воцарилось молчание. Собеседники сосредоточенно пережевывали мясо, закусывали зеленью, ломали лепешки.

«Странная, однако, компания, — думал Колосов, по очереди разглядывая сидевших за столом. — Мафия. Скорее всего, коренной в связке — Лебедев, потом идет Харапцев, а вот

Марушкин… Марушкин — персона любопытная. Слишком молод, но уже с правом голоса. Этого паренька нужно иметь в виду».

— Мне всегда был интересен путь человека, — он нарушил молчание. — Наверное, поэтому я стал журналистом. По сути, любая грамотно написанная статья — это подведение итогов того или иного события. Меня же всегда интересовали люди, вызывающие события, а не их итоги. И по опыту я знаю, что многие жертвы повинны в своей гибели. Я не верю в совпадения и в промысел Божий. Слишком много крови льется вокруг, слишком много судеб сломано. А Бог, наверняка, выбирает для своих детей бескровные пути и ангелов дает, чтобы они поддерживали нас и делали тверже. Я не верю в это, но мне так хочется обрести эту веру. И мне очень хочется верить в то, что я тоже приношу благо.

Он сделал паузу.

Собеседники молчали, они ждали от него продолжение.

— Я не строю магазины и автозаправочные станции. Но если я смогу принести пользу своим расследованием, я с вами.

— Очень хорошо, — улыбнулся Лебедев. — Хотя я не сомневался в вашей позиции.

— Я сомневался, был грех, — сказал Харапцев. — Но рад, что ошибся. Тебе нужно отдохнуть, Саша. Мы сняли номер в гостинице. Хорошенько выспись. А когда будешь готов, свяжись со мной и мы обсудим детали.

Утренний свет едва пробивался сквозь шторы. Настя приоткрыла глаза, почувствовала на лице капельки света и вновь погрузилась в дремоту. Ей казалось, что еще слишком рано, чтобы начать день. Но спустя минуту она вспомнила, что находится не в квартире, а в загородном доме, и вспомнила, что рядом должен быть Сережа. Она провела рукой по шелковой простыне и вздрогнула. Сергея рядом не было, и постель с его половины остыла.

Она открыла глаза и посмотрела в потолок. В этот момент ее накрыло пустотой и безразличием. Настя смотрела на высокий потолок с лепниной и фреской, детали которой в сумерках невозможно было различить. Но она знала, что с потолка наблюдают за ней кудрявые ангелочки с маленькими изогнутыми луками в пухлых руках и смотрит с ясного, синего неба строгий, мускулистый старик в тоге цвета слоновой кости.

Настя медленно села, нашарила на ночном столике мобильный телефон и позвонила Вере Петровне Колясниковой, которая вместе с мужем присматривала за домом.

— Доброе утро, Вера Петровна. Вы Сергея видели?

— Здравствуйте, Анастасия Максимовна! Он с Федей на реке. Рыбачат. Вам что-нибудь принести?

— Нет, ничего не нужно. Спасибо, Вера Петровна!

Настя рухнула на спину и раскинула руки. Пустота и безразличие отпустили ее. И теперь она ощущала, как бешено колотится в груди сердце, и поняла, какой кавардак устроили в голове мысли. И поняла в этот миг, что не ощущение счастья, а страх не отпускает ее со вчерашнего дня.

Спустя четверть часа она спустилась вниз. С кухни доносилось звяканье посуды. Настя прошла в столовую и посмотрела в окно. Утро было пасмурным. Небо затянуло пологом темных облаков. А кое-где в низинах еще лежал снег. Особняки стояли на высоком берегу. Впрочем, не так уж и высок был этот берег. Весенний паводок еще не опал, но река уже вернулась в свои берега, оставив на земле ил, мусор и обломанные с деревьев сучья.

Плетнев с Колясниковым рыбачили с другого берега. Они были примерно одного роста, в одинаковых прорезиненных плащах и в сапогах, и оба натянули на головы капюшоны. С такого расстояния Настя не могла понять, кто из них Сергей. И только сейчас заметила, что на улице моросит мелкий, похожий на изморось дождь.

— Он хороший человек.

Настя вздрогнула и обернулась. В дверях стояла Вера Петровна. Ей было шестьдесят три года. Несмотря на положение прислуги, она относилась к Насте даже не как к дочери, а как к любимой внучке. Впрочем, Настю это вполне устраивало. Она жалела несчастных стариков, потерявших на склоне лет все. Единственную дистанцию сохранили они — величали друг друга по имени и отчеству.

— Он хороший человек, Анастасия Максимовна, — повторила Вера Петровна. — Я не знаю, что с ним произошло, и что было между вами раньше. Но он может стать хорошим мужем и может стать отцом для детей.

— Он был очень хорошим мужем, — улыбнулась Настя. — А Дашенька его дочь.

— Просто ему нужно прийти в себя, — Вера Петровна тоже подошла к окну. От нее пахло свежей выпечкой и мандаринами. — Он ничего не помнит. Но это может быть благословением Божьим.

— Я так боюсь, что он снова уйдет.

— Он забыл вас, не помнит прошлое. Но скоро все встанет на свои места. И никуда он не уйдет, — улыбнулась Колясникова. — Можете поверить мне на слово, никуда он уже не уйдет.

— Мне так хочется верить в это, — отозвалась Настя. — Вы прожили счастливую жизнь, Вера Петровна.

— Вы же знаете, что это не так.

— Но вы всегда были рядом с мужем. А я уже потеряла надежду снова встретить его.

— Я так рада за вас, милая вы моя! — Вера Петровна обняла Настю. — Так рада! — и рассмеялась: — Посмотрите, Анастасия Максимовна!

По полузатопленному паводком мостику неуклюже шел Петя Веселовский. Увидев его, Федор Иванович воткнул в берег удочку и пошел навстречу.

— Господи, — простонала Настя. — А Петя что там делает?

— Анастасия Максимовна, кофе готов, — Вера Петровна отвернулась от окна. — Мужчины позавтракают позже. Их сейчас все равно домой не заманишь.

— Спасибо, Вера Петровна, но мне пора. Нужно съездить к маме и в офис. А Сережа… Вы ведь присмотрите за ним?

— Конечно, Анастасия Максимовна, — кивнула та. — О Сергее не беспокойтесь.

На крыльце Настя замерла на мгновение. Было очень тихо, только монотонный шум реки доносился издали. И тяжелые редкие капли мерно падали на землю с крыши.

Она села в машину и замерла. Ей так хотелось перед отъездом увидеть Сережу, но сердце подсказывало, что делать этого не нужно. Им обоим нужна была передышка.

— Но мне так нравится Саша Колосов, — вздохнула Ираида Михайловна. — И я ничего не могу с этим поделать. Да, сердцу не прикажешь. Но иногда мне кажется, что он лучший из твоих мужчин.

— Это не мое мама, не мое! — простонала Настя.

— Ты должна думать о детях, Настенька. И ты должна думать о своем будущем. Сергей пропал на два года, и только случайность снова свела вас. Я еще не видела его, но мне хватит и того, что ты рассказала. А если он снова исчезнет? И нет гарантии, что сейчас он нормален.

— Ну, зачем ты так? — Настя порывисто встала и отошла к окну.

Дождь закончился. Время подходило к полудню. Было хорошо слышно, как в детской няня читает Дашеньке сказку.

— Настя, я забочусь о тебе, — негромко произнесла Ираида Михайловна. — Ты только-только пришла в себя. А если он опять пропадет? Что будет с тобой?

— Мама, давай больше не будем говорить об этом. Ты всегда понимала меня. Или делала вид, что понимаешь. Но ты всегда была со мной. Сегодня вечером мы с Сережей приедем в гости.

— Ты хотя бы проверила его? А вдруг он чем-нибудь болен?

— Мама, прекрати! Ради бога, прекрати это! Он не болен, он нормален, он мой! Мой!

— Какая же ты упрямая, Настя, — покачала головой Ираида Михайловна. — Я на многое закрываю глаза. И всегда старалась понять тебя. Хорошо, постараюсь понять и в этот раз. Я на самом деле никогда не вмешивалась в твою жизнь и не поучала тебя. Это твоя жизнь, и никто за тебя ее не проживет.

— Спасибо, мама, — Настя обняла мать.

— Помни, Настя, помни, — Ираида Михайловна прижалась щекой к ее руке. — Мы всегда были вместе, доченька. Мы всегда понимали друг друга. И не забывай, с каким трудом ты добилась всего. Ты должна помнить о детях, думать о них и о будущем.

Настя прикоснулась губами к копне каштановых волос матери и высвободила руку. Ей больше не хотелось говорить. Она вышла из комнаты, оставив ее наедине с сомнениями.

А Ираида Михайловна пригубила уже остывший чай и прошептала:

— Ах, девочка моя, когда-нибудь ты поймешь, что годы не вернуть и многое не исправить… Можно только заплатить за ошибки… Заплатить отчаяньем.

Иногда ей казалось, что она помнит и знает каждый шаг, каждый вздох своего единственного ребенка. Но временами, как в это утро, она понимала, что не знает дочь. А двадцать лет назад даже она не могла предугадать ее судьбу.

— Настя, Настенька, Настёна, — вздохнула Ираида Михайловна. Она прислушалась к голосу дочери, та разговаривала в детской с Дашенькой.

Ираида Михайловна с улыбкой открыла лежавший на столике фотоальбом. Как только мелькнули первые фотографии, в ушах Ираиды Михайловны зазвучала далекая, нежная мелодия.

Она перелистывала страницы альбома и улыбалась, гладила лица из прошлого. И постепенно добралась до фотографии розовощекой полной девочки в школьной форме. Светлые косички, бантики. Настенька. Такой она была до пятнадцати лет. В то время мальчишки на нее внимания не обращали. А в пятнадцать за лето вдруг вытянулась и похорошела, и превратилась в девушку. Словно в одну из летних ночей прилетела фея и превратила Золушку в принцессу.

Ираида Михайловна с улыбкой вспомнила тогдашний страх за нее. Но все ее страхи оказались пустыми. Настя без всяких глупостей окончила среднюю школу и в тот же год поступила в институт народного хозяйства. Там и встретила своего первого мужчину — мадьяра[10] Колю Вереса.

Но через минуту от воспоминаний ее отвлек голос Дашеньки:

— Бабушка, баба!

Внучка подбежала к ней и с маху забралась на колени, едва не смяв фотографии.

— Дашенька, милая моя, осторожней! — Ираида Михайловна проворно закрыла альбом и обняла внучку.

— Бабушка, сегодня папа приедет! — скороговоркой прошептала Дашенька ей на ухо. — Мама сказала, что сегодня папа приедет! Я нарисую ему русалочку, бабушка! Я нарисую ему русалочку из мультика, бабушка!

— Я помогу тебе, Дашенька. И мы вместе нарисуем русалочку, — улыбнулась Ираида Михайловна.

— Нет, я сама буду рисовать! — уже капризно выкрикнула внучка. — Я нарисую папе русалочку!

— Даша, тихо… — Настя приложила к своим губам палец. — Бабушка тебе поможет, если ты сама попросишь об этом.

---

[10] Мадьяры – самоназвание венгров.

Она подобрала с пола фотоальбом, и тот открылся на листе с полной светловолосой девочкой.

— Как забавно, — улыбнулась Настя. Она тоже села на подлокотник рядом с матерью и обняла ее. — Мама, ты вспоминаешь папу?

— Почему ты спрашиваешь об этом, дочка?

— Не знаю. Я его почти не вспоминаю. Сама не знаю, почему так? А ведь он был хорошим отцом. Но я его почти не вспоминаю.

Она хотела сказать еще что-то, что-то такое, от чего у людей обычно перехватывает дыхание. Потому что все мы заканчиваем одинаково. И неважно, в нищете всю жизнь прожил или правил судьбами мира, конец у всех один. Но Ираида Михайловна не дала ей сказать всего этого.

— Он был очень хорошим отцом, — улыбнулась она. — И я знаю того, кто очень похож на него. И говорю я не о Сергее, Настя…

И Настя поняла, к чему она клонит.

— Мама, давай больше не будем! Ведь так все хорошо у нас. А будет еще лучше!

— Что ж, доченька, — вздохнула Ираида Михайловна. — Я жду вас сегодня вечером. А к этому времени мы с Дашенькой и русалочку нарисуем, и пирог яблочный испечем. И с капусткой пирог испечем! Да, Дашенька, напечем с тобой пирогов? Напечем! — она встала с кресла и подхватила внучку на руки. — Мы будем вас ждать, Настя! Мы будем ждать папу! Да ведь, Дашенька?

В это хмурое утро Нина проснулась с твердым намерением довести начатое до конца и вывести Плетнева на чистую воду. Незачем ей было ждать Колосова, чтобы съездить в Ситов. Ее покачивало от выпитого накануне, но она была готова сесть за руль.

— Ты уже проснулась? — донесся с кухни голос Вадика Оконцева. — Подожди немного, я кофе сварю!

Услышав его, Нина поморщилась от досады, ночью она забыла выпроводить Вадика за порог. Он был ее соседом, по жизни занимался какой-то ерундой, связанной с интернетом. И уже несколько лет дышал на нее неровно, цветы дарил, писал стихи, руки целовал. Его брачный танец Нине наскучил уже спустя месяц после знакомства. Но она и сама не понимала, почему до сих пор терпит его? Партнеры для секса у нее были — парни горячие и жесткие. Именно от таких у нее кровь закипала. И любовью ее тоже накрыло — страстной и чувственной. Но все же терпела эти детские сопли — ухаживания Вадика. Терпела слова его глупые, стихи и брошенные украдкой взгляды — робкие и жадные одновременно.

— Вадик, ты где спал? — невнятно спросила она, потягиваясь.

— Что ты сказала? — Оконцев заглянул в спальню.

— Ты где спал-то?!

— Я не спал, я работал, — Вадик сходил в гостиную и вернулся с ноутбуком. — Оформляю новый сайт для одной замечательной общины, — он сел рядом с ней. — Посмотри, какие картинки у них интересные.

— Ага! — Нина продолжала нежиться в постели, на экран она даже не взглянула.

— Господи, какая же ты красивая! — Вадик смотрел на нее с улыбкой.

Глаза у него были большие и темные. И вообще он был симпатичным парнем.

— Кофе так вкусно пахнет, — Нина села в кровати. — Принеси мне чашечку.

— Сейчас, — Вадик ушел на кухню. — Перекус?

— Нет, только кофе!

Нина взяла ноутбук и пролистнула картинки. Какие-то сумрачные строения в джунглях, то ли монастырь, то ли крепость. Пробормотала:

— И что он в этом нашел?

— Я написал новое стихотворение, — Вадик вернулся с двумя чашечками кофе. Протянул ей сначала одну чашку, но пробормотал: — Ты же пьешь без сливок, — и протянул другую. Потом сказал уже в полный голос с улыбкой: — Для тебя и про тебя! Сидел ночью, а все же восточное: картинки, истории! И такое теплое чувство, чу́дное. И ты за стеной, и так мне хорошо было. Слова сами собой сплетались. А получилось вот это:

Принцесс восточных красота в мгновенье ока меркнет,
Когда на звезды смотришь ты, поверь мне.
В благоуханьи миров нам незнакомых,
Куется цепь судеб людских на наковальне Бога.

И в оперенье ярких дней вплетется нечто,
Чему пока названья нет, наверно, это — вечность.
В переплетении имен, на маскараде жизни,
Нашел я все, о чем мечтал, когда был звездной пылью[11].

Нина несколько секунд смотрела на него с улыбкой, смотрела до тех пор, пока он не смутился. А потом сказала:

— Вадик, милый, ты можешь оставить меня на минутку? Женские дела. Понимаешь ведь?

— Да, конечно! — он торопливо встал, но от двери вернулся обратно и забрал ноутбук. — Извини, забыл.

Когда он вышел, Нина взяла мобильник.

— Привет, Ксюша! Прости за вчерашнее. Само собой как-то все выскочило. Ну, ничего нового. Прости… Я в Ситов собираюсь. Поедешь со мной? Ты развеешься, отдохнешь. А мне кое-что узнать надо.

— Нина, я не могу, — голос у Васнецовой на самом деле выдавал усталость. — У нас так много работы сейчас. Ты ведь знаешь, как это бывает. Не обижайся, но сейчас я не могу.

И в этот момент Нина уловила какой-то шум в ее квартире. Она услышала невнятный мужской голос, и сердце ее снова сжалось в комок.

— Кто он? — уже не слушая подругу, спросила она. — Просто скажи мне, кто он? Я его знаю?

— Господи, Нина, тебе на самом деле нужно отдохнуть, — вздохнула та. — У меня телевизор включен. Это диктор с НТВ — Иван Лозовой, — она прибавила звук, и Нина на самом деле услышала четкий и приятный голос телеведущего. — Нина, я бы с радостью прокатилась, но сейчас не могу. Может быть, на следующей неделе? Мы обязательно сходим с тобой куда-нибудь. В ресторан или в театр. Господи, как же давно мы не были в театре!

— Извини, Ксюша, — уже не слушая ее, сказала Нина. — Я на самом деле веду себя глупо.

— Просто тебе нужно привыкнуть. Все уже по-другому, — после паузы ответила та. — Сейчас ты мне как сестра. Как родная сестра, Нина! Я так хочу сохранить в памяти только хорошее. Я не хочу ссориться с тобой, — она снова умолкла. — Надолго ты уезжаешь?

— На пару дней. Вчера забыла сказать: у Насти снова Плетнев объявился. Тот самый! Представляешь?! А мне не нравится все, что происходит с ним и вокруг него. Я боюсь за нее и боюсь за ее детей. Оставлю баню на Гришу Мугоева и смотаюсь в Ситов на пару дней. Оказывается, у Плетнева прописка в этом городе есть. И там я найду ответы. Элю Баскакову заодно помяну, у нее скоро годины.

[11] Здесь и далее стихи автора.

— Господи, — вздохнула Васнецова. — Я совсем забыла. Неужели прошел год? Будь осторожна, Нина. Жаль, что я не смогу поехать с тобой. А спутник тебе нужен. Может, ты Гришу с собой возьмешь?

— Нет. Он за сауной пускай смотрит. А я кого-нибудь найду… — и вдруг на сердце у нее сделалось так тяжело, что хоть волком вой. — Пока! — она резко оборвала разговор и уткнулась лицом в подушку. — За что мне все это? За что?

И наверняка подушка вымокла бы от слез, но спустя минуту в спальню заглянул Вадик. Он замер от неожиданности, а потом подошел к кровати и встал возле нее на колени.

— Нина, — сказал он, — я ведь понимаю, что не пара тебе. Но я хочу быть рядом. Я хочу тебе помочь.

— Хочешь быть рядом? — она оторвалась от подушки. — Тогда собирайся, мы едем в Ситов!

— Когда? — Оконцев слегка опешил.

— Через полчаса! Или ты уже передумал?

— Нет, — Оконцев помотал головой. — Я с тобой. Я только об этом и думаю. Я мечтал об этом. Я мигом! — он вскочил на ноги. — Максимум десять минут, Нина! Максимум!

Он выбежал из спальни.

— Господи, — в тот же миг прошептала Нина. — Он-то мне зачем?

— А в прошлом году, какая благодать была! — с чувством произнес Федор Иванович и совершенно не к месту выругался грязно и заковыристо. — С Мотьяновского водохранилища вода поднялась. И карп пошел! Серега, какой карп пошел! Мать моя! Это, Серега, видеть надо! — он выкурил сигарету почти до фильтра и выплюнул окурок в мутную воду. — Мы с братаном, царство ему небесное, голыми руками карпов этих в старицах ловили! Они ж, заразы, хребтами любую тряпку[12] рвут. Это, Серега, не карпы были, а поросята! Мать моя! Эх, времечко было!

Колясников зажал зубами фильтр следующей сигареты. Он был высоким, худым, испитым стариком, нарочито громко и долго кашлял, если приходилось делать это, шумно сморкался и курил сигарету за сигаретой. И теперь только два-три человека из бывших знакомцев узнали бы в нем великолепного в прошлом ювелира, мастера золотые руки.

— Да, Серега, была жизнь! А Петька-то где?

— Не знаю, Федор Иванович, — отозвался Плетнев. Он старательно следил за поплавком и стремился не упустить ни одной поклевки.

— И где этот оболтус жирный шатается? — задумчиво проговорил Колясников. — Ну, ты как? За то, чтобы?

«За то, чтобы» у Колясникова означало приглашение в очередной раз приложиться к бутылке.

— Мне уже достаточно, Федор Иванович, — попытался отказаться Плетнев.

— Достаточно! — фыркнул тот. — И где Настёна себе мужиков находит? Сашка тоже, бывало, чуть что: «Мне достаточно, мне завтра работать, я и без этого чувствую себя превосходно…» — он сообразил, что наговорил лишнего и покосился на Плетнева. — Серега, а я за то, чтобы всем и всегда!

Он воткнул удочку в берег и вынул из кармана намокший пряник и наполовину опорожненную бутылку водки.

— Я за то, чтобы у всех везде и всегда! — провозгласил он и приложился к бутылке. Хлебнув из нее изрядно, протянул Плетневу. — Пей, Серега! Может, и не свидимся больше! Здоровье-то у меня знаешь какое? Не осталось у меня здоровья, Серега! Раньше мамон, брюхо

[12] Тряпка — рыболовная сеть (жарг.).

было вот такое, как у свина. А ряха еще шире была… И ничего не осталось: ни ряхи, ни здоровья, ни денег…

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.